

Современный

русский

стекля

КИДНЕПТИНГ ПО-РУССКИ

НИКОЛАЙ СТАРОДЫМОВ

Детектив-экшен

Николай Стародымов
Киднеппинг по-русски

«Горизонт»

1996

Стародымов Н. А.

Киднеппинг по-русски / Н. А. Стародымов — «Горизонт»,
1996 — (Детектив-экшен)

В аннотациях многих книг пишется: основано, мол, на реальных событиях. Как правило, это только замануха. А вот эта книга и в самом деле написана на основе реальных событий. Автору об этой истории рассказали непосредственные участники операции, проведённой московской милицией буквально перед началом Первой Чеченской кампании. Однако это, конечно же, не документальное повествование, а именно художественный криминальный роман. В Москве похищен ребёнок, сын богатого бизнесмена. И вывезен на Северный Кавказ. За ребёнка требуют выкуп, который требуется передать сообщникам преступников, которые остались в столице. Таким образом требовалось провести операцию по освобождению мальчишки таким образом, чтобы одновременно провести две акции: там – освободить, а здесь – захватить вымогателей. В книге показана обстановка с Москве и некоторых регионах России в начале 90-х, состояние милиции, межнациональная обстановка...

© Стародымов Н. А., 1996

© Горизонт, 1996

Николай Стародымов

Киднеппинг по-русски

Нине Матвеевне БЕРКОВОЙ

и Игорю УСТЯКИНУ, благодаря которым написана эта книга,

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Придумать повесть можно было и «покруче». Но она основана на реальных фактах, чем и была отчасти скована фантазия автора. Поведали об этой истории непосредственные ее участники. События происходили осенью 1994 года, незадолго до начала Первой чеченской кампании.

10.10.1994 г. ПОНЕДЕЛЬНИК.

Москва. Улица Докукина.

Недалеко от пересечения с проспектом Мира.

11.00

– Всем внимание! Объект появился, «Второй», ты как, видишь его?

– Пока нет... А, вон он... Теперь вижу. «Объект» «проверился», идет в мою сторону.

– Отлично. Спокойно, ребята! Действуем по плану. Пропускаете его, потом следуете за ним... «Четвертый», ты все слышал?

– Имеющий уши... – буркнул в микрофон Александр.

Он не любил такие напоминания и мелочное руководство в ходе самой операции. По его мнению, это только вносит нервозность.

– Хорошо, – донес между тем эфир голос начальника. – Всем приготовиться!

Александр достал из-под мышки пистолет, сдвинул «флажок» предохранителя, передернул затворную раму. Сзади маслянисто клацнул «Макаров» Олега. Водитель Николай облизнул пересохшие губы и нервно провел ладонями по тонкому обручу «баранки».

– Я «второй». Сушеный прошел.

– Понял, «второй». За ним, ребята. Только не спугните, не приближайтесь вплотную, держите дистанцию. «Четвертый», готовься встречать «клиента»!

– А мы, как юные пионеры, всегда готовы, – хмыкнул Александр.

– Не зубоскаль, Максимчук. Сушеный подходит к углу... Саня, смотри у меня, без фокусов!

– Вижу его.

– «Второй», вперед! «Четвертый», на старт!..

По тротуару быстро шагал человек лет сорока пяти. Сутулый, в длинном мешковатом старомодном плаще и невзрачной кепчонке. Ни дать ни взять современный «бюджетник», который не сумел найти достойное место в нынешней жизни. По его внешнему виду никак не скажешь, что это матерый преступник, на котором «висит» несколько убийств, разбойных нападений и «громких» ограблений. Подчеркнутая мешковатость одежды скрывает его мощную мускулистую фигуру, создает впечатление грузности и лишнего жирка. Между тем имя этого человека несколько лет назад значилось во всесоюзном розыске. Да и теперь, после своего дерзкого до наглости побега из лагеря, он успел наследить в нескольких, ныне суверенных, республиках. За ним охотился уголовный розыск многих регионов эсэнговии.

Безрезультатно. Этот человек обладал, помимо богатого опыта, феноменальным нюхом на засады.

Это был Алексей Сухостоев по кличке Сушеный. Он знал, что, попадись в руки милиции, ему «светит» «вышка». Даже с учетом того, что «исключительную меру» отменили... Жить ему

не дадут. А потому всегда ходил с оружием и готов был отбиваться до последнего. «Сушеному терять нечего», – передал слова преступника осведомитель.

На некотором расстоянии за спиной Сухостоева из-за угла вырулили двое внешне столь же неприметных мужчин и побрели за ним. Это были ребята из «второй» машины.

– «Четвертый», вперед!

– Рано, Палыч, – обронил в микрофон Александр.

– Смотри, Саня, не передержи...

– Спокойно, Палыч, все будет в елочку...

Полковник не ответил. За операцию отвечал лично он. Но начальник слишком хорошо знал Александра. И потому не давил на подчиненного. Во-первых, чтобы не нервировать группу. А во-вторых, потому, что отдавал себе отчет, насколько это бесполезно.

– Саша все равно сделает по-своему.

Максимчук опустил радиостанцию в гнездо между сиденьями. Сзади раздался осторожный щелчок – Олег чуть приоткрыл дверцу.

– Сиди спокойно, Ольгерд! Я сам...

– Почему, Саня? Это же опасно.

– Именно поэтому. Мы с тобой только мешать друг другу будем. Ты лучше подстрахуй меня, друзяка.

Время, тянувшееся до сих пор утомительно однообразно, в следующие несколько мгновений раскрутилось, подобно отпущенной пружине будильника.

Александр открыл дверцу и выбрался из салона служебной оранжевой «девятки». С нескрываемым удовольствием потянулся, разминая застывшие от долгого сидения в машине мышцы. Потом повернулся к приближающемуся человеку спиной и низко наклонился, всунувшись внутрь автомобиля, будто собирался доставать что-то громоздкое из салона.

Насторожившийся было Сушеный успокоился – в самом деле, трудно ожидать подвоха со стороны человека, который стоит, согнувшись в три погибели и далеко отставив тощий зад в обтягивающих потрепанных джинсах. Между тем расслабляться ему не следовало – оперативник внимательно следил за приближающимся в заблаговременно отрегулированное зеркало. И когда «клиент» уже почти миновал Александра, тот вдруг резко крутнулся на носке правой ноги и ударил его сзади под колени голенью левой.

Потерявший равновесие Сухостоев, нелепо взмахнув руками, повалился на колени и откинулся на бок. Со звяком вывалился из кармана пистолет, который Сушеный сжимал в кармане. Александр ногой ловко отбросил «пушку» в сторону и профессионально выкрутил запястье упавшего, прижимая мужчину к асфальту коленом. В следующее мгновение подошедшие ребята из «двойки» уже выворачивали Сушеному руки. Громко щелкнули браслеты наручников...

– Вот и все, Алексей Дмитрич, погулял, хватит, – глядя на возню, проговорил Максимчук.

Всегда после задержания он чувствовал, как гулко колотится о грудную клетку сердце.

Сушеный не сопротивлялся. Понимал, что теперь это бесполезно.

– Только руки крутить не надо, – сквозь зубы процедил он. – Ваша взяла, не хрен силу показывать...

Рядом лихо притормозила черная «Волга». Из нее, как всегда, неторопливо и обстоятельно шагнул на тротуар начальник отдела Управления полковник милиции Владимир Павлович Струшников.

– Саня, Саня, – укоризненно взглянул он на Максимчука. – Ну никак не можешь ты без этих своих штучек... А если б осечка случилась?

Александр самодовольно улыбался:

– Так ведь все в порядке, Палыч. У меня осечек не бывает... Не могли же мы вместе с Олегом ему навстречу двинуться – он сразу прикинул бы и просек, что его в «клещи» берут... А так даже не пикнул, голубчик. Как говорится, получите и распишитесь.

Победителям, как известно, даже в милиции выговоров не объявляют.

– А жаль, – обронил Струшников.

Сушеного обыскали. Рядом притормозила еще одна, «третья» машина. Теперь вокруг бандита теснился едва ли не весь отдел.

Он был очень опасен, Алексей Сухостоев. Потому для задержания его были задействованы такие силы.

Вообще-то в отделе были против того, чтобы брать его именно сейчас. Считали необходимым продолжать «разрабатывать» дальше. Не мог же он просто так в Москве объявиться... Но прокуратура настояла на аресте. У прокуратуры, несомненно, был свой резон – если бы только Сушеный заподозрил слежку, мог попросту исчезнуть, как то уже бывало в прошлом не раз. Жди тогда, где и когда обозначится его след. Быть может, даже кровавый...

Максимчук очень не любил суету, которая обычно начинается после того, как преступник обезврежен. Александру нравился риск самой операции, когда нужно было выходить с противником один на один. Ну а когда все заканчивалось, Александр обычно отходил в сторону. Считал, что с поверженным врагом всегда найдется кому побороться...

Вот и теперь Максимчук с чуть иронично скошенным уголком рта посмотрел на привычную картину обыска и отвернулся. Он к своим сослуживцам хорошо относился, знал, что любой из них тоже смог бы – и делал это не раз – выйти на задержание. И все же... Все же не любил, когда схваченного им обыскивали другие.

Александр достал сигарету, разминая, покрутил в пальцах. После операции ему всегда нестерпимо хотелось курить. Давно уж завязал с этим делом, а вот стоит чуть понервничать – тянет.

Об Александре говорили, что во время задержания он спокоен, как... как танк или слон – более образного сравнения никто придумать не смог. Между тем это было не так.

Саша всякий раз волновался. Только изо всех сил старался этого не показывать. Оно, волнение, давало о себе знать потом, когда все оставалось позади. Вот и сейчас мягкая бумажная гильза крошилась табаком и слегка подрагивала – нервы проявлялись.

И роились мысли.

Сколько же сил, думал Максимчук, времени, средств, столь дорогого ныне лимитированного бензина затрачено, чтобы взять за жабры этого «авторитета»? Сушеного засекли в Москве с неделю назад и с тех пор следили за каждым его шагом. Дважды теряли, но ненадолго, быстро опять находили – благо, он все время крутился в этом районе, – скрупулезно отслеживая его связи, контакты, определяя маршруты движения, чтобы вот так наконец взять. Добрый десяток человек готовили операцию. И это правильно, считал Саша.

Государство, которое экономит на своих правоохранительных функциях, обречено. Сколько бы для подобных акции ни нужно было задействовать людей, техники и средств, такие преступники, как Сухостоев, обязательно должны попадать туда, где и должны находиться – в тюрьму.

Плохо только, размышлял Александр, что в результате всей предварительной работы не удалось установить, с кем и какое очередное дело готовил Сушеный, почему он постоянно крутился именно в этом районе. Не такой он человек, чтобы просто так здесь объявиться. Сухостоев не мог не понимать, насколько это для него опасно – слишком многие Сушеного тут знают... Правда, оставалась надежда, что его удастся расколоть на допросах. Хотя, отдавал себе отчет Александр, уж очень хлипенькая эта надежда. Слишком много Сушеного допрашивали, чтобы он случайно раскололся. Тут какой-нибудь ход нужен...

И все же, несмотря на легкую досаду, Александр испытывал удовлетворение.

Удовлетворение профессионала, хорошо сделавшего свое дело. Он сейчас не какого-нибудь мелкотравчатого щенка поймал. Он взял за загривок такого матерого волчару, подобных которому не много водится на свободе. Пусть теперь следователи-крючкотворы-буквоеды раскручивают этого бандюгу. Он, капитан милиции Максимчук, свою миссию выполнил отлично.

Оперативник решительно сломал совсем уж измочаленную бумажную гильзу, скатал ее в шарик и щелкнул ногтем в урну. Не попал...

Что заставило Максимчука обратить внимание на проезжающую машину, он и сам сказать не смог бы. Очевидно, это и есть профессиональный опыт. Потому что она, данная конкретная машина, ничем не отличалась от легиона других автомобилей, которые во множестве пролетали мимо от проспекта Мира к метро «Ботанический сад» и обратно. И только эта единственная неведомо почему привлекла внимание оперативника. Скорее всего, притормозила слишком резко та «вольвовка», а уж интуиция Максимчука заставила его посмотреть на нее.

Машина с чеченскими, старыми еще, бело-черными, номерами неторопливо проплыла мимо места задержания. Сидевшие в ней смуглолицые ребята внимательно наблюдали за тем, как сажают в машину Сушеного с заломленными за спину руками, как о чем-то докладывают Струшникову...

Все это продолжалось лишь мгновение. Потом водитель «вольво» резко прибавил скорость, и машина исчезла за изгибом дороги.

Что бы это значило? Случайность? В принципе, конечно, не исключено. На процесс задержания посмотреть всегда желающие найдутся. Девчата из пресс-службы Управления рассказывали, что к ним журналисты едва не в очередь выстраиваются с просьбами взять их на операцию. Так что проезжавшие вполне могли притормозить из любопытства. Тем более, что контактов с «чеченской мафией» у Сушеного не зафиксировано... Только не больно-то верил Максимчук в подобные случайности.

– Саня, чего ты там торчишь, одинокий, как тополь на Плющихе? – окликнул Максимчука Струшников. – Ждешь, пока тебе сюда орден привезут?.. Давайте-ка по машинам! Поехали!

Александр быстро направился к нему.

– Палыч, секундочку!

Собиравшийся уже усаживаться в «Волгу» полковник удивленно поднял брови.

– Что случилось?

– Палыч, что-то любопытное, кажется, наклевывается. Разреши мне с вами поехать?..

– Садись, коли надо!

Оказавшись в «Волге», Александр быстро произнес:

– Палыч, только что мимо нас проехала «вольво» с номером... – Максимчук продиктовал. – Надо бы установить, что это за машина.

Струшников тоже был профессионалом. Он не стал расспрашивать подробности, сразу же потянул к себе трубку радиотелефона.

– Поехали! – скомандовал полковник, переговорив с дежурным. Лишь тогда повернулся к Александру. – Выкладывай, с чего это тебя та машина вдруг заинтересовала!

– Черт его знает, Палыч, может, я на воду дуть собираюсь... Просто эта машина мне очень не понравилась.

Струшников ничего не сказал, хмыкнул только. И отвернулся.

Москва.

Район ВДНХ. Двор школы №...

12.50

Мощный «чероки» аккуратно подкатил к тротуару и остановился, не выключая двигатель. На другой стороне неширокой улицы уже стояла «вольвовка». Из окошка водителя высунулась рука: мол, вижу тебя, все в порядке.

Какое-то время они стояли без движения. Потом дверца «чероки» распахнулась. Из нее вылез крепкий, спортивный мужчина и, включив сигнализацию, решительно пересек улицу. Сквозь пролом в низенькой выщербленной ограде он ступил во двор школы.

Сидевшие в «вольвовке» остались на месте. Смуглые, черноусые, они негромко переговаривались между собой на своем языке.

Спортивный мужчина прошел по дорожке вдоль густых зарослей акации и остановился в теничке, стараясь особо никому не попадаться на глаза. Только что началась перемена, и детвора гурьбой высыпала во двор. Малышня затеяла беготню и догонялки, девчушки прыгали через резинку, школьники постарше сбивались в кучки, закуривали.

Мужчина поглядывал на них неприязненно. Когда он учился, мальчишки тоже курили. Но старались делать это потихоньку, бегали в какой-нибудь укромный уголок, прятались, чтобы не заметил кто из учителей. А уж чтобы девчонки к сигарете прикоснулись!.. Сейчас – свобода: травись, коль желаешь. Даже совсем малютки в юбках дымят, не стесняясь. Еще и училки пример подадут. Вон они, кстати, тоже выбрались на крылечко с сигаретами, последним теплом московского солнышка насладиться.

Мужчина, не привлекая ничьего внимания, терпеливо стоял в сторонке, следя за входной дверью.

И наконец дождался.

Рыхлый, полноватый, носатый парень неторопливо вышел во двор, вразвалочку направился в сторону калитки. Спортивный мужчина пропустил его мимо, следуя чуть в сторонке. Он уже третью перемену подходил сюда, поджидая жертву... В принципе, конечно, можно было бы перехватить мальчика до или после уроков. Но мешали два обстоятельства. Сына в школу, как правило, привозил на машине отец. Он же, чаще всего, его и забирал. А во-вторых, нужно было обеспечить себе запас времени.

Когда рыхлый парень оказался закрытым кустами, мужчина приблизился к нему.

– Леонид Яковлевич Губерман?

Глаза у парня стали круглыми, когда он взглянул на подошедшего.

– Да, – робко ответил он.

– Вы нам нужны на несколько минут.

Мужчина поднес к глазам Леонида раскрытое удостоверение. Увидев «корочку», парень вздохнул облегченно.

– А я уж испугался... – И вдруг нахмурился: – А что случилось? Что-то с папой?

– Нет-нет, с папой все в порядке. – Мужчина торопился. Попастся кому-нибудь на глаза он не желал. – Можно вас на несколько минут? Нам нужна ваша помощь...

И он увлек Губермана за собой. Тот растерянно оглянулся, но сопротивляться не стал.

Вдвоем они скорым шагом подошли к «вольво». Дверца у машины распахнулась.

Оттуда выглянуло смуглое черноусое лицо.

Леонид рванулся, пытаясь освободиться. Но мужчина ловко прижал к его лицу влажный платок. Обмякшее тело парня легко втащили в машину.

Поодаль по тротуару медленно катила коляску молоденькая женщина. Похитители ребенка переглянулись: заметила она, что произошло, или нет? Похоже, что нет. Но, когда по округе пройдет слух о похищении, может что-то вспомнить...

– Езжай, Серега, – сказал один из черноусых спортивному мужчине. – Мы тут без тебя управимся. Готовь ящик и документы. Мы скоро подъедем.

В сумраке салона тонко блеснуло лезвие.

– Лучше бы без крови, – нерешительно проговорил спортивный.

Черноусый засмеялся:

– Не бойсь, все обтяпаем, как мамка учила.

И добавил что-то по-своему. Его земляки рассмеялись.

Потоптавшись, спортивный направился к своему джипу. Он досадовал: только «мок-рухи» ему не хватало...

Между тем черноусый быстро догнал женщину с коляской. Подгадав момент, когда она приостановилась у перехода, легко провел отточенным лезвием ножа по висящей у нее на плече сумочке. Женщина ничего не заметила. Мужичина поторопился обратно.

Теперь, даже если она что-то и заметила, этот фрагмент начисто забудется на фоне того, что у нее взрезали сумочку, хотя ничего и не вытащили.

Через несколько секунд «вольво» взвыла мотором и, круто развернувшись, растворилась в потоке машин.

Москва.

Управление. Кабинет Максимчука.

13.00

В кабинете Александра встретил настойчивый зуммер телефона. Оперативник перегнулся через стол, дотянулся до аппарата и поднял трубку:

– Слушаю, Максимчук.

– Саня, это Коваленко.

– Здорово, земляк. – Чтобы не обходить стол, Александр уселся прямо на столешницу. –

Что новенького слышать с неньки-Украины?

– Да ничего хорошего, пане добродию. Хреновенько у нас, як оце москали кажуть.

Даже сало – и то дорожает. А это уже, как ни говори, национальная трагедия.

Они посмеялись.

– Как шутит наш друг Аркаша Семеняко, с августа девяносто первого слово «родина» следует писать с маленькой буквы, а «сало» – с буквы большой... Ну ладно, слушаю тебя. Ты чего позвонил?

– Я дежурю сегодня.

– А, так ты по поводу машины!

– Твоей прозорливости можно только позавидовать, – не преминул подколоть Коваленко. – На лету мысль хватаешь... Кстати, Саня, знаешь, меня всегда интересовало, как вы вот с ходу номера машин запоминаете? Для меня чей-то телефон в памяти удержать.

– И то проблема. А ты секунду всего цифры видел...

– Черт его знает, – Александр об этом никогда специально не задумывался. – Запомнился как-то... Тут вот в чем теперь будет проблема. Пока еще большинство машин бегают с номерами, на который посмотришь – и сразу по буквам видишь, из какого она региона. А по цифровому коду, что сейчас внедряют, и не сообразишь, откуда она прикатила. Вот и получается, что если раньше нужно было запомнить только собственно номер, то теперь надо стараться в памяти удержать и цифры кода... Ну ладно, это проблемы ГАИ. Так кому, ты говоришь, машина принадлежит?

– «Вольвочка» твоя принадлежит некоему Шапти Галаеву. Это чеченец, в настоящее время постоянно проживает в Москве. Не слыхал про такого? Напрасно. Личность по-своему уникальная. Он с самим Сулеймановым начинал...

– Да у нас кого ни возьми – один уникальнее другого, – усмехнулся Максимчук.

– Хотя, конечно, если с Сулеймановым – это о чем-то говорит.

– О чем-то... Это уже само по себе много значит. Галаев проходил у нас по какому-то делу, подробности, правда, не помню. Он явно нечист, этот Шапти. И по мелочам не действует.

Впрочем, за подробностями обратиться лучше к кому-нибудь из отдела по этническим группировкам, у них обязательно что-нибудь на него имеется.

– Дякую, друже!

– Нэма за шо...

Не успел Александр положить трубку, телефон загудел вновь.

– Слушаю, Максимчук.

– Саня, это Струшников. Коммен цу мир зи битте, геноссе гауптман!

– Срочно-обязательно?

– А ты что, очень занят?

– Очень – не очень... Дело любопытное наклеывается. На чеченца, которому принадлежит машина, похоже, у нас кое-что имеется. Я собирался заглянуть к ребятам из «этнички», поинтересоваться, по какому делу он у них проходил. Коваленко уверен, что это наш клиент.

– Ну, это полчаса подождет. Загляни-ка все-таки ко мне.

Максимчук положил трубку и произнес несколько слов, которые обычно произносят, когда отвлекают от дела ради незапланированного визита к начальству.

– Что случилось? – Олег оторвался от бумаг.

– Струшников успел без меня соскучиться.

– Ничего удивительного – ты же у нас сегодня работаешь героем дня.

– Почему только сегодня? И почему только дня? Можешь называть меня просто героем...

В кабинете Струшникова сидел какой-то майор-армеец, длинный, худой и нескладный.

– Познакомьтесь: старший оперуполномоченный по особо важным делам капитан милиции Максимчук, Александр Григорьевич. А это корреспондент газеты «Красная звезда» майор Воркал Станислав Николаевич.

Саня пожал журналисту руку. «Принесла же тебя нелегкая на мою голову», – подумал тоскливо он, не забывая старательно изображать приветливую улыбку.

– Станислав Николаевич по поручению редакции готовит публикацию о нашем Управлении, – продолжал Струшников. – Сегодня мне уже звонили, просили оказать посильную помощь. Все-таки «Красная звезда» не какая-нибудь бульварная газетенка, мы с армией пусть и разные, но все же погоны носим... Короче говоря, я попрошу тебя, Александр Григорьевич, возьми прессу на себя. Поговори с человеком, ответь на интересующие его вопросы...

– Так у нас в Управлении, если не ошибаюсь, специально для такого общения пресс-служба имеется, – перестав притворяться, хмуро буркнул Александр. – Они за это деньги получают. Пусть сами и корячатся.

– Мне Елена Яковлевна порекомендовала обратиться именно в ваш отдел, – вмешался армеец. – Александр... Александр Григорьевич, я понимаю, что у вас нет времени, что нашего брата, журналиста, не очень-то привечают... И все же прошу вас, давайте пообщаемся. Я постараюсь не слишком отвлекать вас от дел.

– Да я ничего... – Максимчук вздохнул, поняв, что от беседы не отвертеться. – Надо, значит, надо. Пошли...

– Вот и отлично, – явно обрадовался Струшников.

Очевидно, он и сам не прочь был избавиться от газетчика, но не хотел ссориться с красавицей Еленой Яковлевной.

– Если я понадобится, – расшаркался он перед корреспондентом, – сможете меня найти в этом кабинете.

Вернувшись к себе, Максимчук познакомил Воркала с Самопаловым. Предложил гостю кофе. Тот согласился. Александр включил кипятильник и опустил на стул.

– Так что вас интересует?

– Сейчас в Москве много разговоров ходит о так называемой «чеченской мафии».

Расскажите, пожалуйста, об этой группировке подробнее.

Александр не выдержал, усмехнулся. Что-то везет ему сегодня на все чеченское.

– Я что-то сказал не так? – удивился Воркал. – Я в вашей работе не очень-то разбираюсь. Поэтому, вполне возможно, могу ошибиться.

– Да нет, все в порядке. Это я так, о своем... Вы просто не в тот отдел попали.

Чеченцами занимается другой отдел, не наш.

– Тогда просветите меня по поводу структуры вашего Управления.

– Что ж, давайте от печки. Управление состоит из нескольких отделов: вымогательства и захвата заложников, нетрадиционных методов работы – речь идет о криминальном автобизнесе, игровом бизнесе, всяких подпольных казино и так далее; отдел, который занимается преступными лидерами и «авторитетами»; коррупция в органах власти и управления; экономический отдел и, наконец, отдел этнических группировок. Мы работаем в первом отделе...

– Но ведь в вашем деле вычленишь только одно направление, наверное, невозможно.

На мой взгляд, они должны быть все тесно переплетены между собой.

– Так оно и есть. Поэтому, как правило, мы между собой действуем в самом тесном контакте. Тем не менее внутренняя специализация по отделам необходима. Поэтому информацию по этническим группировкам вам квалифицированное всего дадут в отделе майора Сунцова Михаила Васильевича.

– А нужно ли такое подразделение в вашем Управлении, по этническим группировкам? Получается, что все отделы изначально ориентированы по профилям, видам, направлениям преступной деятельности криминальных группировок, и только этот один – по признаку национальной ориентированности. Не получается ли, что они толкаются локтями вокруг одних и тех же дел?

– Ну, толкаться нам не приходится, чаще наоборот, рук и голов на все попросту не хватает. Но разницу вы уловили очень точно. Тем не менее, это подразделение не просто нужно. Оно крайне необходимо! Обычный человек не может себе даже представить, насколько разнятся между собой по сферам криминального бизнеса различные преступные национальные диаспоры, насколько их стиль, так сказать, работы отличается от традиционных русских группировок! Хочу только особо для вас, журналиста, подчеркнуть...

С вами ухо остро надо держать, а то еще процитируете неточно выраженную мысль... Так вот, хочу подчеркнуть: именно преступные, криминальные национальные диаспоры. Потому что далеко не все представители, если можно так выразиться, «нерусских» наций, проживающие в Москве, в том числе, как сейчас ваш брат, журналист, пишет, «лица кавказской национальности», обязательно являются преступниками. Но поскольку мы говорим о национально-криминальных объединениях... Короче, у каждого из них имеются свои особенности. Скажем, азербайджанцы специализируются на наркотиках, заказных убийствах, скупке квартир у алкоголиков и контролируют овощные рынки Москвы. У грузинской мафии можно за деньги купить звание «вора в законе». Ингуши мастера по махинациям с золотом...

– А чеченцы?

– Чеченцы – беспредельщики. Они поднаторели в деле выколачивания долгов из просрочивших выплату должников. И поскольку чеченские боевики одни из самых жестоких, им это удается неплохо. Их часто и охотно нанимают коммерческие банки или другие фирмы. Занимаются они и похищением детей с целью вымогательства выкупа...

Поначалу чеченцы действовали только самостоятельно. Но сейчас начинают пускать корни в Москве, а значит, вынуждены активнее сотрудничать с русскими и другими криминальными группировками. Но главное, повторюсь, они безжалостно жестоки.

Олег поднял голову:

– Извините, вмешиваюсь. Дело в том, что все остальные группировки сложились у нас еще в период горбачевских новаций. А чеченцы опоздали к дележу пирога. Вот и пришлось им

свое место под солнцем отвоевывать с оружием в руках. Так что настрелялись они попервости власть. Сегодня чеченская мафия – одна из самых сильных в столице.

Очередной вопрос гость задал немного замявшись:

– Извините, если вас чем-то задену... Вы знаете, всякий раз, когда приходится писать о вас, мне товарищи и читатели задают вопрос: если у нас такие мощные и профессионально подготовленные правоохранные структуры, почему же они не могут совладать с преступностью?

Максимчук и Самопалов переглянулись. Ответил, усмехнувшись невесело, Александр:

– Если сказать откровенно, мы сейчас вполне можем взять за одно место очень многих преступных «авторитетов», на какие бы высоты в государственной и коммерческой иерархии они ни забрались. И материалы на многих имеются. Только нам нужна команда «фас!»...

Разговор, наверное, продолжался бы еще долго. Но вновь прогудел звонок.

– Саня, журналист еще у тебя?

– А где ж ему быть?

– Черт, не вовремя... Короче, передай его кому-нибудь, бери Олега – и на выезд!

– Прошу прощенья, Станислав Николаевич, – с некоторым облегчением освободился от журналиста Максимчук. – Нужно бежать. Олег, вперед!

– Что-то интересное?... Можно с вами?..

Делая вид, что не расслышали вопрос журналиста, они сорвались с места и быстрым шагом вышли в коридор. По пути Александр заглянул в соседний кабинет. Сказал коллегам:

– Ребята, там у меня журналист военный сидит, проводите его... – Еще и пошутил напоследок: – Подписку о невыезде брать не нужно.

И устремился по коридору, чтобы не услышать в свой адрес теплых слов «ребят», на которых он «спихнул» журналиста.

В фойе их нагнал Струшников.

– Что случилось, Палыч?

– Похищение ребенка.

На улице уже журчала двигателем оранжевая «девятка». Николай прогрел «движок».

– Какой идиот придумал все десять машин на Управление выделить одной марки и одинакового цвета? – проворчал Струшников, плюхаясь на переднее сиденье. – Как будто кто специально...

Тема была не нова, оперативники плевались по этому поводу давно. Потому развивать ее не стали.

– Так что случилось, Палыч? – Максимчук поправил под мышкой кобуру. – Расскажи-ка подробнее.

Москва.

У входа на станцию метро «Шаболовская».

19.30

Вечером Александр с Олегом уходили домой вместе. До метро прошли пешком – благо, недалеко. Вечер выдался не по-осеннему теплым. Да и вообще осень в этом году была хороша. Деревья облететь еще не успели, они чуть трепетали пожелтевшими листьями в призрачном свете уличных фонарей.

Не хотелось спускаться в замкнутую, специфически пахнущую прохладу метро.

Поэтому друзья решили еще постоять, пользуясь немногим оставшимся теплом, попить пивка. Взяли по парочке «Трехгорного», отошли от пристанционной толчи и пристроились под линиялым зонтом-тентом.

Говорили, как чаще всего бывает у мужчин в такие минуты, о работе.

– Слыхал? Семенов из второго уходит...

– Да ну! – удивился Максимчук. – Куда?

– Где больше платят, – усмехнулся Олег.

– Это-то понятно. Семенов своего не упустит. А куда конкретно?

– Не знаю. Не говорит. Ты же его знаешь – молчит и важно надувает щеки... Куда наши обычно уходят? Либо в коммерческие структуры...

– Либо к тем, кто «пасет» и «доит» коммерческие структуры, – подхватил, ухмыльнувшись, Александр. – Наш брат, оперативник, и у тех и у других в цене. Чего не скажешь о любимом государстве... Дома сегодня, значит, опять скандалец намечается.

– Не понял.

– Так ведь моя супружница дружит с Семенихой. Значит, нонче опять начнется промывание мозгов: бросай свою милицию, иди в коммерцию...

– Не говори, – вздохнул Олег. – Сам последний раз приношу домой получку, жена села и заплакала. У нее сапог нет, дети растут – не успеваем обновы покупать... Обо мне уж и речи не идет: единственная более или менее нормальная одежда – костюм свадебный да еще форменный мундир парадный...

Из-под сени деревьев со стороны Пятницкой присеменила бодренькая старушенция.

Остановилась рядом, умильно уставилась на друзей.

– Сынки, бутылочки оставите?

– Оставим, только дай спокойно попить, бабка! – резко ответил Максимчук.

– Пейте, пейте, сынки, – с готовностью закивала бабка и подалась в сторону.

Пристроилась неподалеку, зорко поглядывая, чтобы заветную стеклотару кто из конкурентов не перехватил.

Александр почувствовал, как напрягся Олег. Он культурный, он вежливый...

Конечно, осуждает сейчас Максимчука за резкость.

– Достают ведь, – оправдываясь перед другом, сказал Александр. – Видит же, что стоим, разговариваем, никого не трогаем, примуса починяем – так рядом надо торчать и в рот заглядывать...

Самопалов во всегдашней своей манере, мягко, будто извиняясь, возразил после паузы:

– Мне, Саня, и самому это неприятно. Только она ж, бабка эта, не виновата, что ее в такое положение поставили...

– С одной стороны, конечно, не виновата. Но я так рассуждаю. У меня в Белоруссии бабушка живет. Всю жизнь вкалывала, как папа Карло. Или как Золушка до того, как принца встретила. Ей тоже сейчас несладко – сам знаешь, какова жизнь в Белоруссии. Но у нее хозяйство, она по-прежнему вкалывает, хотя уже почти девяносто лет ей. И она бутылки собирать ни за что не пойдет.

– Погоди, Саня, ты прав, конечно. Но не забывай, что бабушка твоя в деревне живет, где всю жизнь прожила. А где вот эта бабка, московская, сможет заработать себе на хлеб?

Тут уже Максимчук промолчал. Кто ж может рассудить, кто, в чем и в какой мере виноват?... Есть резон и в словах Олега. Но только очень раздражало всегда Александра, когда кто-то вот так подходил и от употребления пива отвлекал. А отвлекали, чем дальше, тем чаще. Иной раз едва не драки из-за оставленной им бутылки вспыхивали.

– Это сколько уже за последнее время от нас ушло людей? – спросил наконец Максимчук, меняя тему.

– Хрен его знает, не считал, – охотно откликнулся не любивший ни с кем обострять отношений даже в мелочах Самопалов. – Всех не упомнишь. Главное – замены нормальной нет... К нам в отдел, кстати, прикрепляют курсанта-стажера... Раньше, помнишь, в МУРе целый конкурс существовал, по всей стране отбирали лучших из лучших кандидатов. А сейчас что в МУРе, что к нам в Управление берут всех подряд, лишь бы прописка московская была, чтобы квартиру не нужно было у мэрии выпрашивать. Вот курсанты желторотые и начинают стажироваться...

роваться на должностях старших оперуполномоченных по особо важным делам... – И Самопалов непривычно для себя выругался.

На такой минорной ноте и разошлись. Оставив довольной бабушке аж целых четыре посудыны.

Основной поток вечерних пассажиров уже схлынул. В полупустом вагоне метро Александр уселся на свободное место. И прикрыл глаза, вспоминая сегодняшний день.

Длинным он получился, этот день, напряженным, даже для всегда насыщенных будней Управления...

Парня жалко, которого похитили. Ладно, взрослые в свои жестокие игры играют. Но куда страшнее, когда за грехи взрослых должны отвечать дети. Сколько подобных случаев сейчас на родной Руси бывает! Будь моя воля, рассуждал Александр, именно за киднеппинг (слово уже прочно в лексикон наш вошло, а еще недавно и не знал обыватель, что это такое) меру наказания определил бы максимальную, вплоть до статьи подрасстрельной.

Ребенок не должен страдать из-за наших, взрослых, грехов... Хотя, с другой стороны, нынешние всевозможные проповедники, мистики и миссионеры различных религий и сект, которых что-то уж слишком много расплодилось в последнее время, утверждают, что дети всегда отвечают за прегрешения родителей. Причем не только дети, но и внуки, и далее все потомки до седьмого колена... Не хотелось в это верить. Саша никогда не мог согласиться с тем, что Бог может наказывать детей за проступки мам и пап, дедушек и бабушек и так далее. Это сколько ж предков набирается у человека до седьмого поколения? Шестьдесят четыре, прикинул Александр. Это что ж с человечеством станется, если на каждый невинный комочек жизни будет проецироваться хотя бы по одному греху от каждого из них?.. Человек за свои грехи должен отвечать только сам. Бог, который поступает иначе, наказывая невинное дитя за дела, которые оно еще не успело совершить, не может считаться милостивым и всеблагим.

– Кобуру спрячь...

Александр встрепнулся. Очевидно, он придремал и проснулся от этих негромких слов.

Действительно, куртка на левом плече чуть съехала, и под ней явно стал виден наплечный ремень кобуры. Оперативник поддернул ее. И только тогда обернулся. Рядом, привалившись к поручню, стоял крепкий молодой мужчина и насмешливо смотрел на него.

– Ты что, с «Шаболовской»?

Максимчук кивнул.

– Понятно. Со службы? Притомился?

– Есть маненько.

Тот понимающе передразнил:

– Маненько... Я сам ведь до недавнего времени в органах служил. Выматывался, как собака. Еле до дому добирался. А толку – чуть. Жена каждый день мозги компостировала: бросай ты свою службу к чертовой матери! Твоя тебя как, тоже небось пилит?

– Есть такая буква.

– Ну а ты?

– Держусь пока.

– Ну смотри. Сейчас наш брат нарасхват.

– А ты где устроился?

– Охранно-детективная фирма «Панджшер». Слыхал про такую? «Афганцы» организовали. Это на Красногвардейской...

Александр неопределенно передернул плечами:

– Черт их все сейчас упомнит... Как будто бы слыхал что-то.

– Наверняка должен был слышать. У нас там много ребят из милиции. Даже из «Вымпела» один есть.

– Так ведь «Вымпел», говорят, разогнали.

– Потому Володька к нам и пришел.

Вспомнив разговор с Олегом о Семенове, Александр поинтересовался:

– Ну и как, стоит к вам переходить? Материально, имею в виду. Получаете хоть нормально?

– Да уж побольше твоего...

– А работа в чем состоит? Чем заниматься приходится? За женами бизнесменов следить, чтобы «налево» не бегали?

Парень усмехнулся:

– Бывает и такое. Кстати, неплохо платят ревнивые «новые русские», если его жену с кем-нибудь застукаешь, да еще если фотографии принесешь... Но не это для нас главное.

Такая работа – для пацанов. У нас профессионалы работают экстракласса. Мы и финансовую надежность коммерческих партнеров проверяем, и личной охраной бизнесменов занимаемся... Да мало ли. Работа интересная. А главное – платят за работу нормально... Ты вот сейчас каким делом занимаешься? Не секрет?

– Да какой секрет... Киднеппинг.

– Понятно. И получишь ты за спасение этого ребеночка бизнесмена свой оклад да плюс благодарность в приказе. А если бы родители обратились к нам, мы и ребеночка освободили бы не хуже вашего, да еще и получили за работу по высшему разряду. Так-то...

Ладно, счастливо оставаться, мне выходить. Держи мою визитку – надумаешь уволняться из «конторы», звони. – И добавил вполголоса, ухмыльнувшись: – И кобуру больше не выставляй.

– Ладно тебе, советчик...

Александр был смущен. Так опростоволоситься... Но визитку взял, сунул в карман.

На всякий случай. А случай, как известно, может быть всякий...

Московская область.

Военная авиабаза.

21.00

К вечеру поднялся ветерок, начал мелко сеять дождь. Резво снующие «дворники» размазывали по стеклу водяную пыль, сливая ее по извилистым дорожкам, тянущимся от углов полукружий, раз за разом пробиваемым резиновыми очистителями. Встречных машин было немного, и они еще издали начинали дробить в дождевых каплях дальний свет своих фар.

За рулем сидел спортивный мужчина. Тот самый, который заманил в ловушку Леню Губермана. Рядом с ним бесстрастно глядел в темноту Шапти Галаев, чеченец, владелец «вольво», на которую обратил внимание Максимчук.

– Давай я тебя все-таки за воротами оставлю, – безнадежно повторил спортивный.

– Я сказал: нет!

– Да пойми ты: если на КПП обратят на тебя внимание, запомнят обязательно.

– Плевать. Я должен четко убедиться, что груз улетел.

– Да улетит он, куда денется.

– Я в этом должен убедиться.

– Ты что же, не веришь мне?

Шапти не ответил. Глядя в темноту, произнес:

– Жаль, что Сушеного взяли...

Спортивный промолчал.

Слева мелькнуло дерево, все увешанное ленточками. Сейчас цвет было не разглядеть, но мужчина знал, что они выцветшие.

– Что это? – заинтересовался Галаев.

– Здесь офицер погиб, который год назад на защиту Белого дома своих подчиненных вел, – пояснил спортивный. – В память об этом дерево и украсили.

Вскоре справа показался бесконечный бетонный забор авиабазы.

– Так не останешься?

Галаев промолчал.

К центральному входу не поехали. Остановились у ворот боковых. Ежась под порывами мокрого ветра, к машине подошла женщина в форменной плащ-накидке.

Спортивный опустил стекло, молча показал ей свое удостоверение. Галаев отвернулся к окошку.

Дежурная внимательно прочитала фамилию.

Кивнула:

– На вас заявочка имеется. Проезжайте!

Шлагбаум скользнул вверх.

Асфальтовая дорожка тянулась вдоль ярко освещенного летного поля. На нем ровно стояли стройные пассажирские лайнеры и могучие «транспортники» с яркими щитами, закрывающими воздухозаборники. Откуда-то доносился резкий свист продуваемого двигателя.

Машина свернула на автостоянку и притормозила.

– Сиди здесь...

Водитель выпрыгнул под дождь и, ссутулившись, торопливо перебежал под навес аккуратного двухэтажного здания. Прошел в стеклянную дверь. Галаев остался сидеть, равнодушно глядя сквозь стекло на нудную морось дождя.

Через некоторое время спортивный появился вновь. Забрался на свое место.

– Все в порядке. Груз оформлен. Вылет через час. Можно грузиться.

– А погода?

– Ничего, авиация у нас всепогодная, – усмехнулся спортивный, заводя мотор. – «Борт» взлетит, а в порту прибытия – «ясно».

Машину они подогнали к самому «борту». Вдвоем перетащили большой, но не слишком тяжелый, перевитый проволокой с дисками пломб и с бордовой сургучной печатью ящик в брюхо «Ил-76». Галаев тут же вернулся в машину. Спортивный мужчина остался оформлять бумаги.

С неба мелко сеял нудный осенний дождик. Ежившиеся от сырости пассажиры самолета и предположить не могли, что именно находится в столь официально выглядевшем ящике.

Москва.

Квартира Максимчука.

21.00

– Папка пришел!

Аленка повисла на шее.

– Папка, почему ты так долго? Мы уже поужинали, тебя не дождались. Женька сегодня кроссовку порвал и в лужу упал... Папка, ты мне про Миттерниха расскажешь? А то по истории спрашивали, а я не знаю, кто это такой. По геометрии контрольную писали, я все решила, а в ответе ошиблась и четверку из-за этого получила. Это несправедливо – в решении ведь все правильно... На труде мы учились передники шить, у меня получился он такой перекошенный, что, наверное, только в какой-нибудь дом инвалидов можно отдать...

– Погоди, дочурка, ты меня совсем затараторила. И про инвалидов не надо так говорить. Это несчастные люди...

Жена выглянула с кухни:

– Голодный?

«Уже знает», – понял Александр по взгляду Людмилы.

– Конечно, – ответил бодро вслух. И добавил: – Денек сегодня выдался трудный...

Жена ничего не сказала, молча удалилась на кухню. Оттуда донесся раздраженный грук посуды. Александр понимал, что это лишь легкое предвестие того грома, который собирается разразиться.

Переодевшись в домашнее и умывшись, Максимчук прошел на кухню. Попытался по пути чмокнуть жену в щеку, но она молча отстранилась. Александр решил не обострять раньше времени отношения и события не форсировать. В душе теплилась нереальная надежда: вдруг проблема сама собой рассосется, как та беременность у гимназистки в анекдоте? Протиснулся мимо стола и забился в свой обычный угол, смиренно отдав инициативу в руки жены.

Но она упорно молчала.

– Случай сегодня произошел, – заговорил он, так и не дождавшись от нее первого хода. – Парня похитили, семнадцатилетнего. От отца миллион долларов за него требуют...

– Просто так, ни с того ни с сего, «лимон» баксов требовать у кого ни попадая не станут, – ответила жена, помешивая что-то в кастрюле. – Значит, мафия знает, что папаша «бабки» имеет.

– В том-то и дело, что этот бизнесмен не очень богат. А похищение проведено профессионально. Не вяжется все это как-то.

– Значит, вы так работаете, господа-товарищи сыщики. Мафия лучше знает, у кого «капуста» водится... Так что же, этот бизнесмен платить не хочет, раз к вам обратился?

– Ну, во-первых, у него действительно нет таких денег. Во всяком случае, он так утверждает. Дело у этого папаша не Бог весть какое прибыльное. Он владеет небольшой авторемонтной мастерской. А во-вторых, боится, что, даже если он внесет выкуп, мальчишку все равно убьют. И в этом он прав, такое вполне возможно.

Жена выключила конфорку. Решительно села к столу. В упор уставилась на него.

«Сейчас начнется», – с тоской подумал Александр и взял из соломенной корзиночки ломоть хлеба.

– Ты в курсе, что Семенов уходит?

– Угу, – промычал Саша, откусив шмат побольше.

– А куда, ты знаешь?

Саша неопределенно пожал плечами, тщательно пережевывая пищу.

– Естественно, откуда ты можешь знать, куда умные люди идут работать, – съязвила жена. – Он теперь будет получать столько, что тебе и не снилось. А ты по-прежнему этим самым бизнесменам будешь самоотверженно сыновей спасать за большое спасибо.

– Кто-то и этим должен заниматься...

– Кто-то должен... Это ты правильно сказал. Так вот этот кто-то пусть и занимается, – оборвала жена. Она теперь говорила жестко, зло, с надрывом. После такого тона, по опыту знал Александр, обычно следовали слезы. – Я, Саша, к твоему сведению, еще молодая, я еще пожить хочу, а не в обносках десятилетней давности ходить. А на твою получку даже полушубок более или менее приличный не купишь. Ладно, самому тебе ни хрена не надо, так обо мне, о детях подумай! Ты вот пришел на ночь глядя, ужин тебе разогревай и подавай! И не поинтересуешься, сколько что стоит в магазине и сколько чего на твое пособие по нищете, которое ты по привычке денежным довольствием называешь, купить можно. Мне семью кормить не на что, понимаешь ты или нет? Яблоки несчастные купишь – а потом глядишь, чтобы детвора их в один присест не умяла... А тебе на это чихать с высокого места, «жила бы страна родная – и нету других забот»... Вот только платить тебе не хочет ни твоя страна, ни твой любимый народ. Мне ведь стыдно где-то говорить, что у меня муж работает в милиции. Ты-то не знаешь, что люди вас всех считают ворами, взяточниками и мастерами только демонстрации нищих старушек разгонять.

– Я свое дело честно делаю...

– Ах-ах-ах, поглядите на него, он свое дело честно делает!.. Да кому она на хрен нужна, твоя честность, объясни? Что я, суп из нее буду варить, что ли, твои любимые вареники с картошкой лепить? Так сообщаю тебе: навар из честности не бывает. При социализме она, честность твоя, как-то еще ценилась. А теперь – посмотри вокруг! – все хапают где только можно.

– Ну, а мне что хапнуть? Хочешь, завтра с работы пачку скрепок и дырокол принесу?

– Тебе все шуточки! – всхлипнула жена. – Дырокол... Вон Семенова недавно платье себе новое купила – закачаешься. Что, тоже за пачку скрепок?

– Что-то я тебя не пойму, мать, – нахмурился Александр. – Что ты мне предлагаешь?

– Ой-ой-ой, какой мы страшный! – сквозь слезы зло засмеялась Людмила. – Какой мы принципиальный! Да ни на какое преступление я тебя не толкаю, успокойся. Не надо взятки брать, такого дурака, как ты, тут же поймают и посадят. И мне же придется тебе передачи носить... Но я так понимаю, что ты у нас в семье мужчина, глава семьи, если можно о тебе так выразиться. Так будь добр, как мужчина и так называемый глава семьи, обеспечь своей семье хоть сколько-нибудь приличное существование. Вон Семенов...

– Да отцепись ты от меня со своим Семеновым! – не выдержал Максимчук. – Тоже мне, идеал нашла!.. Посмотри вон на Самопалова. Он и получает меньше меня, и жена не работает, и ребенок маленький... А ему жена не тычет на каждом шагу тем, кто и сколько имеет.

Александр раздраженно поднялся и начал протискиваться из кухни.

– Нашел кого мне в пример ставить, – опять зло хохотнула Людмила. – Да на Жанку Самопалову посмотришь – три ночи кошмары будут сниться. Конечно, она будет за своего Олега обеими руками держаться...

– Да, Жанна не так красива, как ты, – стоя на пороге кухни и едва сдерживаясь, проговорил Александр. – Но о своей семье она думает не меньше, а то и побольше твоего.

Ну а по доброте и заботе о муже тебе с нее пример надо бы брать. Во всяком случае, скандалы мужу она не устраивает, пока не даст ему поесть.

В комнате он сел в кресло и невидяще уставился на экран телевизора, по которому крутили какое-то, как выражался Александр, «очередное мыло». Сзади неслышно подкралась Аленка. Ласкаясь, мягко прижалась к плечу.

– Не сердись на маму, – тихо сказала она. – Тетя Аля Семенова сегодня специально приходила похвастаться своим платьем. И сказала, сколько дядя Семенов теперь получать будет. Вот мама и расстроилась.

– Ладно, доченька. Не буду.

Аленка сунула руку в карман и достала комочек пережеванной жвачки.

– Ты хочешь кушать? На вот, пожуй...

– Спасибо, не надо. – Александр почувствовал, что на глаза наворачиваются предательские слезинки нежности к дочурке. – Если кого-нибудь начнешь обманывать, потом всем только хуже будет.

– А кто кого обманывает сейчас?

– Если жевать сейчас эту резинку, мы будем обманывать желудок. И ему кушать еще сильнее захочется.

– Какой ты у нас умный, папка. Так ты мне расскажешь про Миттерниха?

После таких слов Александру стыдно было признаться, что он и сам про Миттерниха знает лишь то, что такой когда-то где-то что-то делал.

– Хорошо, доченька, обязательно расскажу. Только не сейчас. Хорошо?

А сам пытался сообразить, где бы срочно прочитать об этом таинственном Миттернихе хоть что-нибудь.

Сзади прошелестела открывающаяся дверь.

- Пошли ужинать, дуралей принципиальный.
  - Спасибо, язва завистливая.
- Мир был восстановлен.

11.10.1994 г. ВТОРНИК.

Москва.

Неподалеку от станции метро «Шаболовская».

8.30

Утро выдалось на редкость красивым. Ярко сияло меж редкими облачками небольшое октябрьское солнце, обогревая последним теплом влажные от прошедшего ночью дождика улицы, густо устланные ковром опавшей листвы, которую дворники не успевали убирать.

Максимчук словно предчувствовал, что в ближайшие несколько дней будет не до любования природой, а потому от метро до Управления решил прогуляться пешком. Настроение было прекрасным. Его радовало солнышко, тепло, листья, как опавшие, так и цепляющиеся пока за ветки... И он не обращал внимания сегодня даже на то, что обычно раздражало – когда приходилось временами сходить с узкого тротуара на проезжую часть, обходя загромоздившие пешеходную дорожку автомобили.

Золотая осень... Бабье лето... Александр любил это время года. Сейчас бы в лес, по грибочки! Опенков в эту осень уродилось – косой коси! А у Максимчука были свои заветные местечки к северо-востоку от Москвы, на Лосином острове, за прудом у Опытного поля. Когда удавалось вырваться туда, привозил грибочки ведрами. Но только редко такие выходы удаются. Работа...

Управление располагалось чуть в стороне от улицы, за крошечным сквериком. Чем ближе подходил к нему Александр, тем острее чувствовал, как воспоминания об опенках вытесняются размышлениями о Сушеном, о похищенном мальчике, о других делах, поток которых становился все гуще.

Начинался новый рабочий день. И, как и подсказывало чутье, события стали раскручиваться, едва он переступил порог, с калейдоскопической быстротой.

Едва Александр миновал широкий экран стеклянных дверей, небрежно взмахнул пропуском и хотел было пройти мимо столика дежурного, как тот его окликнул:

– Саня, тебя Струшников уже два раза спрашивал. Срочно к нему.

– Не к добру, – вздохнул Максимчук. – Верная примета. Утро должно начинаться с красивой женщины. В крайнем случае, с приглашения на пиво. Но такое, увы, почему-то случается очень редко.

Дежурный усмехнулся, развел руками:

– Что ж поделаешь, Саня, такова «селявуха».

Струшников действительно ждал его. Едва Александр переступил порог, нетерпеливо указал на стул напротив.

– Значит, так, Саня...

– Утро доброе, Палыч!

– Здравствуй, здравствуй, Саня, извини, закрутился, забыл... Так вот. У Сушеного при аресте был изъят блокнот. Записей там до хрена и больше. Многие зашифрованы. Их сейчас прорабатывают. Но это к слову. Главное – имеется там один адресок, отмеченный восклицательным знаком. Как ты думаешь, чей?

Александр, немного ошарашенный напором обычно выдержанного начальника, привычно передернул плечами:

– Надеюсь, не нашего Управления?

– Брось свои шуточки! У Сушеного выделены адрес и телефоны, рабочий и домашний, Губермана!

Максимчук присвистнул:

– Ни черта себе!

Губерман был тот самый коммерсант, у которого накануне похитили сына.

– Вот тебе и «ни черта себе»! Не свисти, кстати, в моем кабинете. И без того денег нет...

К слову о деньгах! Ты в курсе, что Семенов уходит?

– Палыч, меня уже достали этим Семеновым!

– Ну ладно тебе, не гоношись... Так вот я и подумал... Вспомни, в каком направлении шел Сушеный, когда мы его взяли за одно место.

Александр быстро прикинул направление движения Сухостоева.

– Погоди-ка... Это ж выходит, что он направлялся к Губерману!

– Вот и я о том же. В том направлении. Представляешь, какая выстраивается картинка, если мы с тобой правильно рассуждаем?

– Так-так-так, – пробормотал Максимчук. – Значит, Сушеный должен был принимать участие в похищении... Вот это новость!.. Следовательно, через него можно узнать, кто это сделал.

– Оптимист, – усмехнулся Струшников. – Так он тебе и признается... У него и предыдущих преступлений на «вышку» хватит. Чего же ради он станет признаваться в соучастии в подготовке похищения с целью вымогательства, в котором он реально не участвовал?..

– Эх, знали бы мы заранее!..

– Да, Саня, если бы нас прокуратура не торопила с его арестом или если бы мы отложили арест хотя бы на один день... Ну ладно, если бы да кабы – во рту выросли грибы... В общем, на откровенность Сушеного, думаю, нам с тобой особенно рассчитывать не приходится. А вот другое меня заинтересовало. Твоя машина вчерашняя... Ничего тебе это не навевает?

– Погоди-ка, Палыч! А ведь точно! Этот самый Шапти Галаев ехал в том же направлении, куда двигался Сухостоев. Второе: Губерман-отец говорил, что к нему за несколько дней до похищения приезжали в мастерскую смуглые ребята с совершенно пустяковой неисправностью в машине, которые интересовались его графиком работы.

Третье: чеченская группировка похищениями детей занималась и раньше...

– Все это верно, Саня. Но только пока что вилами по воде... А вот тебе козырь: осведомитель ребят из «этнички» подтвердил, что несколько дней назад видел нашего друга Сушеного в компании с Галаевым.

– Так чего же он раньше молчал?

– Он Сушеного в лицо не знал. Сегодня утром опознал по фотографии.

Александр лихорадочно соображал. Дело получало совершенно неожиданный поворот. Пусть даже все данные лишь косвенные, прямых улик против кого-либо нет. Но «рука Чечни» в этом деле, похоже, прослеживается. Как тогда, во время расстрела нескольких членов «дагестанской группировки». Или при убийстве «авторитета» из Подмосковья по кличке Султан. Да и самого Сулейманова, скорее всего, тоже свои же «замочили»... Во всех перечисленных случаях тоже никто не сомневался, что чеченцы к этому руку приложили, хотя доказательств ни разу обнаружено не было.

– Как бы то ни было, без разговора с Сушеным не обойтись, – произнес он раздумчиво.

– Несомненно. Вот ты с ним и побеседуй. И вообще, бери-ка ты это дело на себя. И Олега подключи. Ты у нас больше привык кулаками работать, зато он буквоед. Вот на пару и действуйте. Не против?

– Насчет Олега не против. А вот насчет дела... Всю жизнь мечтал, Палыч, с чеченцами поспориться, – хмуро обронил Максимчук. – Ведь их группировка, что амазонские муравьи-кочевники: кто бы ни оказался на их пути – сожрут и спасибо не скажут.

– Работа у нас такая, Саня. Кто-то должен и этим делом заниматься.

«Вот кто-то пусть и занимается», – вспомнил Максимчук слова жены. Но ничего Струшникову не сказал.

Александр тут же, от начальника, созвонился со следователем прокуратуры, который вел дело Сухостоева. Договорился о том, что прямо сейчас подъедет в СИЗО. И пошел в свой кабинет.

Олег уже сидел за своим столом.

– Саня, тебя здесь уже все обыскались.

– Кому и на кой дьявол я необходим?

– Не поминай нечистого без необходимости, – привычно одернул Олег.

– Если ты к месту и не к месту поминаешь чьих-то матерей и женщин легкого поведения, в этом греха не наблюдаешь? Ладно, давай выкладывай.

– Струшников...

– Только от него. Дальше.

– Жена...

– Потом. Дальше.

– Пономарев из прокуратуры...

– Что сказал?

– Побеседовать с Сушеным ты сможешь часиков в одиннадцать. Устраивает?

– Отлично. Ты едешь со мной. Дальше.

– Губерман. Утром опять звонили его «друзья» и требовали уплаты выкупа.

Сообщили, что парня вывезли из Москвы.

– Разговор записан?

– Естественно. Говорил русский, во всяком случае, без акцента. Звонок был из автомата, из центра, район Китай-города. Речь правильная, грамотная. Дал три дня на размышление и на то, чтобы приготовить деньги. Выплата выкупа в субботу.

Александр призадумался:

– Три дня, говоришь?.. Давай-ка прикинем, что мы можем сделать, с чего начнем.

– погоди-ка, Саня... Давай сначала с Сушеным поговорим, а потом уже начнем план составлять.

– Ольгерд, дружище, от тебя ли я это слышу? Это я, что тот ковбой: сначала стреляю, а потом думаю. Но ты-то у нас бумажная душа. Ты же всегда заранее составляешь тридцать три плана, а потом начинаешь подбирать, по какому из них действовать!

– Не иронизируй, тебе это не идет. Поехали лучше, а то можем опоздать. Тем более машины нет, придется добираться на своих двоих...

Москва.

СИЗО.

11.00

Сухостоев держался спокойно и независимо. Он свободно откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу и с любопытством разглядывал вошедших оперативников. Весь вид его говорил: немало вашего брата я на своем веку повидал, со многими общался, вряд ли вы сможете мне сказать что-нибудь, чего я еще не слышал, а впрочем, кто знает, послушаем, что скажете умненького, теперь мне особо торопиться некуда, мое дело сидеть и слушать, ваше – разговоры разговаривать...

Максимчук лично встречался с ним первый раз. Но по рассказам коллег относился к нему с некоторой долей уважения. Александр понимал, что перед ним убийца и разбойник, на котором клейма негде ставить. Именно таким в старину ноздри рвали и буквы ВОР на лбу выжигали. И тем не менее была в Сухостоеве какая-то бандитская гордость, что ли. Он был преступником еще старой закалки, из тех, кто старался соблюдать культивировавшиеся раньше

в его среде некоторые правила, некий кодекс чести, если, конечно, так можно об этом сказать. Таких воровских «старообрядцев» в криминальной среде остается все меньше, им на смену идет иное поколение. Эти, новые, уже не стараются, как то было раньше, выглядеть поскромнее, понезаметнее, скрывать от посторонних взоров свои возможности и доходы. Нынешние «лидеры», «воры в законе» и прочие «авторитеты», напротив, тягуются между собой в том, чтобы поэффектнее демонстрировать богатство и возможности. У них даже стиль взаимоотношений с теми, кого они обируют, изменился. Теперь преступники становятся в отношении своих жертв все более беспощадными. «Авторитеты» старой формации никогда не отбирали последнего, не «наезжали» на людей скромного достатка... В свое время Александра, тогда еще молодого человека, заинтересовала информация об одном «воре в законе», некоем Вовчике Сыре, который был известен в Ашхабаде тем, что, если его «подчиненные» отнимали что-то у простого работника, Вовчик заставлял вернуть украденное...

Сейчас таких блюстителей старой воровской школы остается все меньше. На смену им приходят «беспредельщики», люди жестокие, беспринципные, беспощадные.

Ну а такие, как Сухостоев, постепенно становятся едва ли не реликтами в своей среде, в формировании которой сами же принимали участие. Он по-прежнему соблюдал те правила, которые раз и навсегда для себя выработал. Он никогда не трогал людей небогатых, грабил коммерсантов только с очень большими доходами. Но при этом не разорял их вконец. И никогда не применял силу без крайней нужды.

Его хорошо характеризовал такой случай. Когда Сушеный сидел в последний раз, как-то попросился на прием к начальнику «зоны».

– Я собираюсь покинуть вас в ближайшем будущем, – вежливо предупредил он. – Разумеется, незаконным путем. Поэтому хочу заранее принести извинения тем из ваших солдат, которым не посчастливится именно во время моего побега оказаться на посту. Ну а перед вами лично и другими офицерами извиняюсь за то, что у вас из-за моего побега, очевидно, будут большие неприятности.

Начальник колонии, ошарашенный такой наглостью, не нашел ничего лучше, как спросить:

– А зачем же ты мне об этом сообщаем?

– Сушеный никогда и ни на кого не нападал со спины и без предупреждения. И от моих рук еще ни разу не пострадал никто незаслуженно. Солдат же человек государственный, это не офицер, который свою судьбу добровольно выбрал, солдат не виноват, что ему «зону» охранять приходится. Его грех обижать. Тем не менее в этот раз кто-то из них пострадает...

Начальник считал это заявление хулиганской выходкой, запер Сухостоева в карцер. Но не вечно же его там держать! Выпустили. И тот вскоре сбежал-таки. Каким образом – никто так и не дознался. Просто исчез, будто по воздуху улетел. Очевидно, у него заранее был разработан тщательный план. Скорее всего, и сообщники имелись. Сбежал, в общем.

Жертвами его стали двое солдат. Один, связанный «козлом» и с кляпом во рту, почти сутки пролежал под ветошью в кладовке, пока его обнаружили. Другого Сухостоев ударил чем-то тяжелым по голове, и у того оказался перелом основания черепа...

Вот этот-то человек, про которого в воровской среде легенды ходили, и сидел сейчас перед Максимчуком, со спокойным любопытством его разглядывая. Самопалов пристроился чуть в сторонке, внимательно следя за ходом допроса. Именно он должен был выхватывать из разговора то главное, что могло бы пригодиться впоследствии.

– Ну что, Алексей Дмитриевич, поговорим? – предложил Максимчук.

– Это ты меня вчера взял? – не отвечая на вопрос, поинтересовался задержанный.

– Я.

– Класс, – с уважением произнес Сухостоев. – За мной не раз уже охота шла. У меня ведь чутье, как у добермана, нутром чуял я, что ведете меня. И тебя просек, когда ты из машины вылез. И вдруг ты раком становишься. Ну как тут подлянку заподозрить?.. Класс!

Александру похвала польстила. Да и уважение к Сушеному повысилось – это достойный противник, коль может так принимать поражение.

– А ты, Митрич, меня разочаровал, – ответил он. – Знаешь, я ведь о тебе давно уже слышал, с уважением к тебе относился. И вдруг ты пошел на такое... Не ожидал от тебя подобного, никак не ожидал...

– Ай-ай-ай, как же это я так доверие уголовки потерял... – всплеснул руками задержанный. – Надо же, три ночи теперь спать не смогу... Так чем же это я тебе не угодил, начальник?

– Ну как же? К любому человеку, когда он поступается принципами, относиться начинаешь... как бы это сказать... с брезгливостью, что ли.

– Ой, мной уже даже брезгуют! Может, побрезгуете тогда меня и держать здесь? Я бы не против... Да за что ж такая немилость, а? Объясни толком, начальник, просвети, что же в моем поведении такого для тебя некрасивого? Может, оправдаюсь еще перед тобой, доверие твое верну... Как же жить мне без доверия твоего... Что тебе надо-то от меня, начальник?

– Мне надо? Да нет, ошибочка выходит. Мне, собственно, от тебя вообще ничего не надо. Просто не пойму я, Митрич, как же это ты решился пойти на похищение ребенка? С твоими-то принципами, а? Перед солдатом, который тебя охранял, извинился заранее, прежде чем его по голове это самое... звездануть. А здесь – ребенок... Ну, бери за жабры отца, раз уж считаешь, что его можно подоить... Но мальчика... Некрасиво, Митрич, не по-мужски.

Сухостоев... покраснел. Это было так неожиданно, что Александр даже замолчал. А Сушеный полез в карман, хотел, очевидно, достать платок. Но так как его там не оказалось, вытер покрывшийся испариной лоб рукавом. Максимчук хотел было что-то сказать, но уловил движение Олега. Тот показал: молчи, мол.

Они и молчали. Долго молчали. Пока Сухостоев не попросил:

– Дайте закурить...

Александр молча бросил на стол пачку сигарет, достал зажигалку, щелкнул контактом. Кончик сигареты подрагивал в невидимом потоке раскаленной плазмы.

Максимчук не курил. Но курительные принадлежности всегда имел под рукой. Во-первых, по привычке. А во-вторых, иной раз именно это помогало установить контакт с людьми. Как вот сейчас.

– Да, начальник, здорово ты меня поддел... Это ж надо... Меня все больше в таких кабинетах или пугали, или всепрощение обещали, в случае, так сказать, «чистосердечного признания»... А ты самое больное место нашел.

– Митрич, знаешь, если прямо говорить, не очень-то нужно мне твое признание или больное место. Мы с тобой сейчас поговорим – и я пойду к себе домой, к телевизору, детям, к жене и вкусному ужину. А ты отправишься к себе в камеру, к параше и баланде. И очень может быть, что больше мы с тобой никогда в жизни не увидимся. Речь сейчас о другом. Понимаешь, Митрич, еще вчера я знал, что не все бандиты одинаковые... Да, все вы совершаете преступления ради денег. Это понятно, это естественно, это меня ничуть не удивляет. Но, понимаешь, до сих пор я считал, был уверен, что есть среди вашего брата какая-то духовная элита, люди, которые пусть даже у других воруют, пусть даже кого-то убивают, но совесть свою все-таки не продают. А теперь увидел, на тебе лично убедился, что нет таких. Да, наверное, и быть не может. Потому что самый, пусть даже на словах, самый принципиальный среди вас все равно совесть свою может продать, заложить или напрокат отдать, если только ему выгодно будет.

– Других судить легко.

– А я и не собираюсь тебя судить, Митрич. Я не суд. И даже не прокуратура. Я просто пытаюсь сейчас с тобой разговаривать как с человеком, который потерял в моих глазах ува-

жение. Просто оперирую фактами. Факты же говорят, что ты, человек, который до сих пор считался, как в вашей среде, так и у нас, эталоном преступника, придерживающегося своих принципов, – что ты отошел от этих своих принципов.

– И в чем же это проявилось?

– Как это в чем? Проявилось это в том, что ты, в сговоре с чеченской группировкой, а именно персонально с неким Шапти Галаевым по кличке Аргун, пошел на то, чтобы похитить семнадцатилетнего парня, Леню Губермана. Причем выкуп заломили вы явно неподъемный для этого более чем посредственного дельца...

– Это еще доказать надо.

– Митрич, повторяю, я ничего и никому доказывать не буду. Это пусть прокуратура, следствие суду что-то доказывают. Я оперативник, сыщик, сыскарь. Мое дело вас ловить, а не на противоречиях ушучивать. Поэтому тебе я скажу попросту, по-мужски, безо всяких выкрутасов: ты не мне, а собственной совести доказывай свою правоту. Ты вор авторитетный, известный в ваших, да и в наших кругах по всей эсэнговии своими правилами поведения, своим кодексом чести. А теперь повсюду пойдет слух о твоём поступке. У нас есть термин: «развенчание авторитетов». Это когда мы запускаем какую-нибудь информацию, правдивую или дезу, в результате которой в вашей среде авторитет того или иного «авторитета» падает. По поводу тебя теперь и придумывать ничего не надо – только организовать утечку следственной информации. Так что считай, что ты уже развенчан.

– Ты и без того под «вышкой» ходишь, – вмешался Олег. – А тут еще и имя свое воровское замарал.

– Ну и что же я такое сделал, что мое имя теперь замаранным оказалось? Я наших законов не нарушил.

– Формально да. Но с точки зрения морали... Похищение детей даже в вашей среде не пользуется особой популярностью. Особенно если ориентироваться на взгляды «воров в законе» старой закваски. И уж подавно, если сделать поправку на то, что ты, русский, помогаешь в похищении москвича залетным чеченцам. Не случайно же в русском языке даже термина такого нет, который обозначает киднеппинг – потому что не было этого у нас раньше.

– Да чего вы ко мне прицепились? – вспыхнул Сухостоев. – Не знаю я, о чем вы говорите!

– Ну, не знаете, гражданин Сухостоев, так не знаете, – легко согласился Максимчук. – Отправляйтесь тогда в камеру. Мы с вами больше не увидимся. Жаль, что разговор у нас не получился.

– Он и не мог у нас получиться. – Сухостоев сидел угрюмый, поникший. – Вы же знаете, я своих никогда не сдаю.

– А кто произносил слово «сдать»? Я об этом вас и не просил, – прикинувшись простачком, возразил Александр. – У меня и в мыслях такого не было. Неужели вы думаете, Алексей Дмитриевич, что я мог преследовать подобную цель, зная вас, пусть даже понаслышке? Меня интересует совершенно иное. Почему в качестве жертвы вы выбрали именно Губермана? Отпустят ли похитители его сына Леонида после внесения выкупа или же убьют? В частности, если выкуп внесен будет неполный? Где его содержат? Как охраняют? Можно ли его освободить?.. Ну, и так далее. На мой взгляд, ни один из этих вопросов не нарушает законов воровского этикета.

Сухостоев задумался.

– А мне какая выгода от откровенности?

– О вашем участии в подготовке похищения еврейского мальчика чеченцами никто не узнает.

– Ну а все остальное? Поможете скостить?

Александр на мгновение задумался. Очень соблазнительно сейчас что-нибудь пообещать. Но ведь невыполнимо будет такое обещание. Слово, по глубокому убеждению Максимчука, необходимо держать всегда. Даже если оно дано преступнику в интересах дела.

– Митрич, я не привык разбрасываться подобными обещаниями. Не могу я тебе ничего обещать. Как суд решит. Единственное, в чем слово тебе даю, – что прокуратура узнает о твоём добровольном содействии в поиске похищенного ребенка. В этом случае, надеюсь, прокурор на суде не потребует «вышку».

Сушеный изучающе посмотрел в глаза Александру. Тот взгляд выдержал. Тогда Сухостоев кивнул:

– Ладно, мне в этом мире нечего терять. С другой стороны, и на тот свет особенно спешить не хочется. Так почему бы и не попытаться приобрести еще кусочек жизни? Так и быть, спрашивай, начальник.

Москва.

СИЗО.

12.00

Сухостоев извлек из пачки еще одну сигарету, прикурил от зажигалки, которую вновь поднес ему Максимчук. Выжидательно взглянул на оперативника.

– Так о чем говорить будем?

– Повторяю вопросы, Митрич. Почему выбор пал именно на Губермана? Что намечается сделать с Леонидом, когда будет внесен выкуп? И что – если выкуп внесен не будет? Где сейчас находится юноша?..

– погоди, не спеши так. Понимаешь, начальник, мы ведь просто так очень редко на кого «наезжаем». Этот ваш Губерман вовсе не так прост, как вы думаете. В лагере мне о нем рассказал... В общем, я узнал о некоторых делах этого Губермана, о его связях и доходах. У него есть чем поживиться. И только потому я об этом вам говорю, что он своих корешей через хрен пробросил – они сейчас срок мотают, а он тут по-прежнему дела крутит... У нас такие вещи не прощаются, они выйдут – сами с ним рассчитаются. Если он к тому времени сам за границу не слиняет...

Ну так вот. В «зоне» я свел знакомство с некоторыми чеченцами. Они мне и предложили: у нас, говорят, в Грозном, для таких людей, как ты, раздолье. Рабочие русские пусть на нас вкалывают, русскую да и свою интеллигенцию, говорят, мы оттуда поганой метлой, чтобы о дружбе народов и о подчинении Москве некому было вкаты, а такие ребята, как ты, нам нужны. Армию свою создаем, милицию... Там, говорят, мы на национальности не смотрим, главное, чтобы интересы Чечни отстаивал... Деньги хорошие будешь получать. А когда мы, говорят, окончательно отделимся, а отделимся мы обязательно, в нашей разведке, например, внешней или экономической, какой-нибудь отдел вполне сможешь возглавить...

Короче говоря, много чего мне наобещали. Привели несколько примеров, когда люди, у которых «хвост» подлиннее, чем у меня, в Чечне высокие посты занимают. Причем не обязательно чеченцы. Египтяне, арабы там работают всякие. Рассказывали о том, что на таможене чеченской служит украинец по фамилии Токарь, прибалтов много... Короче, я сделал вид, что клюнул на такую приманку. Но свою-то голову, как говорил наш старшина, когда я в армии служил, ношу за плечами! Сразу смекнул, что это они наемников таким образом в свою армию вербуют. Запишешься – а потом, чего доброго, придется диверсантом заделаться или против своих же воевать... Вот и подумал: сшибу денжат с Губы, приеду с ними в Грозный, получу какие-нибудь официальные документы, сменив при этом фамилию, коль уж там это и в самом деле несложно, а потом рвану за границу – и ищи ветра в поле!.. С валютой, при наших «прозрачных» до невидимости границах, вполне возможно через тот же Азербайджан попасть в какой-нибудь Иран...

В общем, такой вот план сложил. Может, и наивный, может, ошибся в чем. То есть теперь-то я вижу, насколько ошибался. Но русский мужик всегда задним умом крепок. Те же чеченцы дали наводку на своих людей в Москве. Там-то, в «зоне» ко мне отношение, сами понимаете, особое было, любой зек мне удружить рад был... Потом этих чеченцев вдруг освободили. Не знаю почему, тут уж вы сами разбирайтесь, но тогда многих чеченцев из «зон» домой отправили, причем сидевших за такие дела, за которые нашему брату, русскому, там до скончания тысячелетия гнить и гнить... Короче говоря, ушел я из «зоны», приехал сюда, нашел Аргуна, предложил ему потрясти Губермана. Кстати, кличка у него – Губа. Но сидел-то я немало, от жизни нынешней поотстал, представить себе не мог, какую силу сейчас беспредельщики набрали и насколько мы, старые «авторитеты», авторитет подрастеряли. В общем, не учел я, с кем связался. Я-то всегда предпочитал в одиночку действовать и сейчас к ним не пошел бы, если бы мне связи не нужны были, если бы потом в Грозный махнуть не намеревался... Так вот и влип, как кур в ощи́п. Аргун сразу сказал: будем брать мальчика. Я было взбрыкнулся: это не по-нашему, я в такие игры не игрок, вы на нашей территории находитесь, значит, нашим законам подчиняться обязаны... А он мне: устарел ты, братец, от жизни отстал, теперь мы здесь сами законы устанавливаем и диктуем, не хочешь – отойди в сторону и не мешайся, ты вор авторитетный, так что свой честный процент за наводку получишь, ну а за участие, в таком случае, нет... Я было к своим прежним друзьям метнулся, а они мне говорят: ты что, мол, офигел, что против «черноты» хвост поднимаешь? Скажи, говорят, спасибо, что они с тобой так по-честному обходятся... В общем, пришлось принимать их правила игры.

– Ладно, это понятно. Что будет с мальчишкой? Его отпустят? Или убьют?

– Когда я взбрыкнулся, они при мне перестали подробности обсуждать. Но боюсь, что его не отпустят. Если бы хотели отпустить, не стали бы так далеко увозить.

– А куда его увезли? – поинтересовался Максимчук.

– А вы еще не знаете? В Грозный.

– Куда?! – в один голос воскликнули Александр и Олег.

– В Грозный. В Чечню, – повторил Сухостоев.

– Так ведь не ближний свет! Почему так далеко? И как это им удалось? Поездом или машиной дело долгое, в самолет не посадишь...

– Почему же это не посадишь? Если захочешь, все возможно... Тут все проще пареной репы, начальник. Здесь, в Москве, Губа смог бы привлечь большие силы для поиска своего отпрыска. Денег у него хватило бы. Ну а связи в нашем мире у него ого-го-го какие!

До Чечни же дотянуться у него руки коротки. К тому же Губа, скорее всего, о том, что сын именно в Грозном, пока не знает. Хотя, если бы и знал – сами знаете, что там творится. На то Аргун и рассчитывал. Ну, а как вывезли... У Аргуна знакомство имеется какое-то очень мощное, так что Губёнку укол вкатили и отправили военным самолетом спецгрузом, в опечатанном ящике, который досмотру не подлежит.

– Ловко, – оценил Александр. – А ты не знаешь, кто у него такой шустрый?

– Знаю – не знаю... Мы ведь договорились, начальник. Я лишнего говорить не буду.

Просто излагаю факты, которые могут пригодиться для освобождения мальчика. По единственной причине: мне и самому эта затея с похищением не по нутру.

– Хорошо-хорошо. А какова намечалась твоя роль в похищении?

– Мальчишка ни за что не пошел бы никуда с черножопыми. Я должен был его подманить к машине, где сидел Аргун со своими.

– Понятно. Ну а потом что? – продолжал допытываться Александр.

– Потом я должен был лететь сопровождающим с тем самым спецгрузом. В Грозном меня встретили бы их люди. Аргун обещал, что они помогут с документами и с работой.

Мою долю за наводку и участие обещали выплатить там же... Я для вида согласился, потому что варианта другого не было, а деньгу сшибить хотелось. Вот я для себя и решил, действовать в зависимости от обстоятельств. На месте, рассчитывал, сориентировался бы.

– А где там, в Чечне, его планировали разместить, ты не в курсе?

– Понятия не имею. Я в тех краях никогда не бывал. Даже если и упоминали чеченцы между собой какие-то названия, я их не запомнил, потому что они мне ничего не говорят. Знаю только, что в Грозном.

Александр оглянулся на Олега. Тот слегка пожал плечами. Похоже было, что основные вопросы они выяснили.

– Ладно, Митрич, спасибо за помощь. Если сможем вытащить мальчишку, обязательно расскажем ему, кому персонально он жизнью обязан.

– Ну, я на этом не настаиваю. А вот прокурору об этом сказать не забудьте.

...Когда Сухостоева увели, в кабинет вошел следователь прокуратуры Валера Пономарев.

– Ну как, выяснили что хотели?

– Естесно, – ответил Максимчук. И с наигранным пафосом добавил: – В связи с оказанием следствию неопенимой помощи от имени нашей «конторы» ходатайствую о смягчении наказания гражданину Сушеному.

– Саня, ты же знаешь, что у него слишком длинный «хвост»...

– Да ладно тебе, Валера! Ты же знаешь всю гибкость наших законов ничуть не хуже меня. У нас одна ветка власти преспокойно расстреливает из танков другую, а ваша ветка обе первых прикрывает: мол, нету виноватых...

Пономарев нахмурился:

– Ты, Максимчук, говори-говори, да только не заговаривайся...

– Ладно-ладно, умолкаю. С вашим братом опасно шутить... Короче, Валера, имей в виду на всякий случай, что наш шеф позвонит вашему и попросит не ходатайствовать в суде о «вышке» для Сухостоева.

– Так ты серьезно говоришь, что он вам помог?

– Более чем. Теперь у нас есть концы, за которые можно браться, чтобы вытащить дело Губермана.

– Кто такой Губерман?

– Пока ты о нем не слыхал. Но вполне возможно, именно тебе со временем поручат вести его дело.

Москва.

Управление. Кабинет Струшникова.

14.30

– Прокурор будет недоволен, Саня.

– Понимаю, Палыч, все я прекрасно понимаю. – Александр старался смирить гордыню, говорить просительно и как можно убедительнее. – И наперед знаю все, что ты мне сейчас можешь сказать: что мы должны нерушимо стоять на страже закона, что мы должны быть кристально чистым образцом его соблюдения, что не должны допускать никаких нарушений ни при каких обстоятельствах...

– Но ведь это так и есть, Саня. – Струшников стремился смягчить отказ мягкостью тона.

– Правильно, так оно и есть... Вернее, так оно должно быть. Но ты же сам знаешь, Палыч, что могут быть всякие обстоятельства, что преступления в белых перчатках раскрывать не всегда даже Шерлоку Холмсу удавалось. Ты же лучше меня знаешь, что иногда приходится идти на сделку с преступником. Это неотъемлемая часть розыскной деятельности... Ну что я тебе-то об этом говорю – ты в МУРе работал, когда я еще пешком под стол ходил и штанишки не только под дождем мочил... И лучше меня знаешь, что, если мы не будем держать слово,

данное преступникам, они нам перестанут верить. Вызвать после этого их на откровенность, а если сказать точнее, спровоцировать на откровенность, будет намного труднее. И кто от этого выиграет?

– Так-то оно так... – Струшников побарабанил пальцами по столу. – Со всем, что ты сказал, я согласен. Как говорится, плавали – знаем... Но ведь слово дал ты, а нарушить закон предлагаешь прокурору.

– Палыч, не будь демагогом! Мы все вместе и каждый в отдельности так часто преступаем закон, что разом больше – значения не имеет.

Полковник нахмурился:

– Ну ты не очень-то заговаривайся, Максимчук!

– Молчу-молчу! Извините, вслух подумал... Вот только, Владимир Павлович, ответьте мне, пожалуйста, откровенно на один вопрос. Если бы не узнали мы с Олегом, где сейчас находится Губерман-младший и все остальное, связанное с этим похищением, какие бы вы мне сейчас слова говорили? Я думаю, примерно такие: что не сумел я, такой-рассякой, расколоть бандита Сушеного, что я должен был сделать все возможное, но вывести у него тайну черепахи Тортиллы. Так ведь? Или вы бы мне благодарность объявили за то, что в разговоре с бандитом я строго придерживался буквы закона? И еще. Если бы мы не узнали, где находится похищенный, что вам лично сказало бы ваше начальство?.. Думаю, приблизительно то же самое. А ведь мы все это узнали только благодаря тому, что я пообещал похлопотать, только похлопотать перед прокурором о том, чтобы обвинение на суде не требовало «вышку». Неужели это так уж неосуществимо? Так что, многоуважаемый Владимир Павлович, хотите вы того или нет, но звонить прокурору с ходатайством о возможно допустимом смягчении участи гражданина Сухостоева вам все-таки придется.

Александр поднялся и направился к двери.

– Постой-ка секунду! – Струшников говорил строго и официально. – Александр Григорьевич, хочу тебе сказать пару слов. Оперативник ты, конечно, классный, работник, каких поискать. Но должен тебе наперед предсказать, что ты никогда не сделаешь карьеру по службе. Потому что не умеешь себя вести с начальством.

– Да, Владимир Павлович, я помню, в школе проходили у дедушки Грибоедова, Александр Сергеевича, что лишь Молчалин дойдет до степеней известных, ибо у нас во все времена любят только бессловесных... Ну а кроме того, с моей фамилией сейчас действительно карьеру не сделаешь.

– При чем здесь твоя фамилия? – уже раздраженно спросил Струшников.

– Палыч, при дальнейшей самоизоляции России от бывших союзных республик и при ухудшении жизни народа, в обозримом будущем к власти непременно придут националисты. Вот тогда начнутся гонения на инородцев. И сложится ориентация на преимущественное продвижение по службе лиц с фамилиями как можно более русскими.

– Александр Григорьевич, ты свое настроение носи с собой и не мешай божий дар с яичницей. Посмотри даже на верхние наши власти – там ведь на фамилии не смотрят!

– Ну, во-первых, исключение лишь подтверждает правило. Во-вторых, все они выдвинулись еще, как говорится, при историческом материализме. Ну а в-третьих, со временем у вас еще будет время убедиться, что я сейчас пророчествую, даже не впадая в транс...

Не дожидаясь ответной реплики, Максимчук вышел в коридор и направился к себе.

От радужного настроения, с которым он вернулся в Управление после беседы с Сушеным, не осталось и следа. В конце концов, он такого «зубра» раскрутил на откровенность, получил уникальную информацию, а вместо ожидаемого пирожного получил указание на нетактичное поведение по отношению к начальнику, который боится позвонить прокурору...

Есть от чего расстроиться.

Александр свернул в свой закуток, вошел в кабинет. В небольшом помещении теснились несколько столов, сейфов, шкафов. Теснота! Все-таки здание Управления мало подходило для своей роли.

Максимчук поначалу не обратил внимания на то, что в кабинете находится посторонний. У окна за сейфом скромно сидел молодой парень и с интересом глядел на вошедшего оперативника.

Александр с размаху плюхнулся на свое место, достал сигарету. Начал крутить ее, привычно кроша табаком, слегка подрагивающими пальцами.

– Что случилось, Саня?

Олег смотрел настороженно. Он чуткий парень, Олег. Правда, очень немногословный. Может быть, это одно из основных качеств, которые ценил в друге иногда любивший поразглагольствовать Максимчук. Осторожный в оценках и суждениях, Самопалов в большинстве случаев личное мнение предпочитает держать при себе.

– Струшников боится звонить по поводу Сушеного.

Самопалов присвистнул. И уставился на Александра, ожидая его дальнейшего рассказа.

– Мы, видите ли, не должны нарушать закон, на страже которого стоит прокурор, – не заставил себя долго ждать Максимчук. Он говорил, постепенно «накручивая» себя: – Понимаешь? Это, видите ли, не положено. То, что население уже ни хрена не верит всем нам, правоохранительным органам, – это нормально. Преступность захлестнула страну – терпимо. Люди боятся к нам обращаться – ну и хрен с ними. Бизнесмены предпочитают платить мафии, а не искать защиту у нас – переморгаем. Но вот человек пожелал... Ладно, пусть не сам пожелал, мы его вынудили – но человек как-то помог нам. Причем, в каком деле – спасение ребенка! А нам тут же по рукам: закон суров – но он закон.

– Успокойся, Саня. Не стоит горячиться. Ты же знаешь Палыча – он со всех сторон все обдумает, а потом все равно позвонит.

Только теперь Александр обратил внимание, что на него из угла внимательно смотрит незнакомый молодой человек.

– А вам что нужно в наших стенах, о юноша?

– Курсант Пospelов, назначен стажером в ваш отдел, – отчеканил, вскочив с места, парень.

– Сиди, – махнул рукой Александр. – Здесь не принято козырять и становиться во фронт. Как зовут-то тебя, друг Пospelов?

– Сережа.

– Не Сережа, а Сергей. Учти на будущее, что у нас принято обращаться к коллегам по имени-отчеству, так что в будущем и ты представляться должен соответственно. Вот так-то, курсант-стажер Сергей Пospelов. Включайся сразу в дела, врубайся, что к чему. Может, еще передумаешь в наше дерьмо влезать...

– Брось хандрить, Саня, – одернул его Олег. – Чего ты парня-то отпугиваешь?

– Да ладно тебе. Захочет стать стражем порядка – станет, даже если я чего лишнего ляпну сегодня. Кофе у нас есть? Или придется с первого дня «дедовщину» разводить и друга-Пospelова в буфет отправлять?..

Хозяйственный Олег с готовностью полез в «буфетную» тумбочку.

Но кофе напиться Александру в этот раз не довелось. Опять затрещал телефонный аппарат. Максимчук махнул рукой – не желаю, мол, никого видеть и слышать. Трубку снял Самопалов. И тут же протянул ее Максимчуку, демонстративно показав пальцем в потолок: начальство, мол, «сверху», желает с тобой общения. Пришлось трубку взять.

– Александр Григорьевич, – официально обратился Струшников, – зайдите срочно к генералу. Мы вас здесь ждем.

– Иду.

Александр опустил трубку в гнездо и досадливо покрутил головой.

– Что еще? – Олег ему явно сочувствовал.

– К генералу кличут...

– Зачем?

– Та хiba ж я знаю? Наверное, Палыч на меня «капнул», так песочить будут.

– Вряд ли, – усомнился Самопалов. – Палыч на своих не «капает».

Максимчук, ничего не ответив, направился к двери.

Он и предположить не мог, какое задание придумало для него начальство. А если бы знал, наверное, шел бы к генералу куда с более легким сердцем.

Москва.

Управление. Кабинет Максимчука.

20.00

Вечером Пospelов по старой традиции «прописывался» в отделе. Он выставил на стол «пузырь» водки, большую пластмассовую «колбу» «Очаковского» пива, разложил кое-как нарезанную вареную колбасу, огурцы, помидоры, зелень, неровные ломти хлеба.

Александр с удовольствием хлопнул «Столичной» и захрустел огурцом.

– Ты смотри, на рожон-то особенно не лезь, – глядя на довольную физиономию Максимчука, пытался наставлять его Олег. – Я твои фокусы знаю, выдрепываться там начнешь...

– Не учи дедушку кашлять, – благодушно бурчал набитым ртом Максимчук. – Вот это дело мне по душе, – продолжил он, чуть снисходительно глядя на стажера, который смотрел на него с нескрываемым восхищением, проглотив предварительно закуску. – Я – против них. И – кто кого!

– Я и говорю – не зарывайся. – Олег тревожился не на шутку. – «Шестерочку» играй, тихонького серенького мышоночка. Сиди, помалкивай в тряпочку, а сам приглядывайся и все подмечай... И в конце концов обязательно появится нужная зацепочка.

– Ольгерд, дружище ты мой, ты знаешь, как я тебя люблю и уважаю. Но давай определимся: когда тебя направят на такое дело, тогда и будешь сидеть хоть мышоночком, хоть в мошонке. Я так не могу. Мне действие необходимо. Неужто не понимаешь? Я – творец, я сам буду ситуацию создавать и правила игры устанавливать.

– Вот-вот, чего я и боюсь, что ты подставляться станешь, ситуацию создавая.

Знаешь, на живца хорошо ловить только тогда, когда сам в роли живца не выступаешь.

– Прекрасно сказано, Ольгерд, замечательный афоризм! Обязательно прибереги его для будущих мемуаров. Но в данном случае он не подходит по самой банальнейшей причине. Ведь ты и сам знаешь, что времени у нас нет подолгу рассиживаться и выжидать момент, пока противник подставится. Мне за три дня необходимо добраться до Грозного, найти нужных людей и организовать освобождение парня. Где уж тут приглядываться да выжидать!.. Наливай, студент! Чего расселся как на именинах?

Сергей с готовностью плеснул в стаканы еще водки. Открутил пробку на бутылке с пивом. Пробка громко щелкнула, пиво зашипело, полезло пеной, брызгая мелкими капельками.

Пospelов успел по-своему оценить друзей. Он относился к каждому с уважением, но с уважением разным. Сергей оценил способность Олега работать с документами, его вдумчивость, немногословность, осторожность, умение анализировать факты.

Ну а Максимчук просто поразил его юношеское воображение своей непосредственностью, лихостью, нарочитой грубоватостью и в то же время той ранимостью души, которой стажер стал невольным свидетелем, когда капитан вернулся после нелегкого разговора с начальником.

– За ваше благополучное возвращение, Александр Григорьевич, – провозгласил курсант.

– Спасибо, Серега, постараюсь.

Выпили.

– Вы позволите, Александр Григорьевич, задать вам один вопрос?

– Валяй.

– Смотрю я на вас и, признаться, удивляюсь. Сегодня утром вы были искренне расстроены из-за того, что не по своей вине могли не выполнить слово, которое дали убийце и грабителю. Сейчас так же искренне радуетесь, что вас посылают практически на войну для выполнения очень опасного задания... Простите, но не догоняю я как-то это. Ради чего, собственно, вы ведете такую жизнь?..

Александр поперхнулся, даже жевать перестал. Уставился на курсанта. Трудно проглотил недожеванный кусок.

– Если ты этого не понимаешь, парень, то, наверное, ошибся в выборе профессии.

– Александр Григорьевич, прошу вас, только демагогии не надо. Хорошо? Я прекрасно понимаю, что вы можете сейчас мне сказать. Моральный долг, ответственность перед народом, стране нужны герои... Это все я уже слышал. Это мы уже всей страной проходили. Все это здорово, все это замечательно и прекрасно. Но вот взять лично вас. О капитане Максимчуке чуть ли не легенды рассказывают, все говорят, что такого оперативника, как вы, днем с огнем не найдешь, что мне повезло, что я на стажировку попал под вашу опеку... Это, конечно, льстит, это греет душу. Я горжусь тем, что меня направили именно к вам. На старости лет, шамкая беззубым ртом, буду о вас внукам и правнукам рассказывать... И все-таки я вас не понимаю. Ведь денег вам за вашу славу больше, чем другим, не платят! Так чего ради нужна вам эта слава? Ради самоутверждения? Вы в нем давно уже не нуждаетесь. Ради психологического подтверждения авторитета? Но того авторитета, что вы уже наработали, вам надолго хватит. Ради ордена или медали? Это несерьезно. Ради того, чтобы вас жена и дети уважали?.. Ну, я просто не знаю, что еще предположить. Ничто из того, что приходит на ум, не может мне объяснить ваше поведение.

Я от души пожелал вам благополучного возвращения. Нам постоянно говорят, что наша работа в том и состоит, чтобы ради страны и народа постоянно по лезвию ходить. Наверное, в идеале так и должно быть. Но ведь понятия «родина», «страна», «народ» – абстрактны. Они попросту аморфны. Вместо них существуют простые люди, великое множество простых людей, которым сейчас попросту не до вас, не до вашего хождения по лезвию.

Поэтому я все-таки хочу понять, ради чего лично вы ходите по этому самому лезвию бритвы... На днях вон Чернов и Ягодин из МУРа погибли – они ведь тоже не думали, что последний раз на задание идут... И ради чего, ради кого они, вы, Олег Владимирович, все вы на смертельный риск идете? Ради сына этого еврея, который сам, говорят, хорошие дела крутит?..

Максимчук ответил не сразу. Он еще налил себе пива, дождался, пока немного осядет плотная пена. Долил еще. Поджав губы, задумчиво качнул головой. Лишь потом, отхлебнув и вытерев платочком рот, заговорил:

– Ну, брат Пospelов, ты и вопросик подбросил... Ради чего, говоришь? Да я и сам, если разобраться, не знаю, ради чего... Как бы тебе это объяснить... Не мастак я умные речи говорить... Ты вот говоришь, что людям на меня наплевать. Я это понимаю, с этим никто у нас спорить не станет. Но только до тех пор, пока к кому-то из них не приходит беда. Вот тогда нас вспоминают и к нам бегут. И это правильно, так оно и должно быть – пусть милицию, «Скорую помощь», пожарных вообще забудут, это было бы просто замечательно.

Но такого нет. Мы постоянно кому-то нужны. Кому-то на земле, у нас в стране, в Москве постоянно плохо. Вот и получается, что кто-то должен охранять и защищать людей от воров и бандитов, от других напастей. Так сложилась жизнь, что эта роль выпала мне. Значит, я ее должен выполнять как положено. А русского нужно будет защищать, моего земляка хохла, еврея или татарина – это абсолютно для меня не имеет значения. Потому что человек любой нацио-

нальности одинаково чувствует боль, одинаково страдает, одинаково нуждается в защите. Вот так, пожалуй.

– Хорошо, вы свое дело делаете честно. А какой-нибудь гаишник берет взятки.

Сотрудник уголовного розыска берет взятки. Сотрудник отдела по экономическим преступлениям... Налоговый инспектор... Налоговая полиция... Начальник райотдела милиции... Ведь сейчас время такое, что все берут! А таких честных бессребреников, как вы, – единицы. Неужто вы думаете, что сможете в одиночку остановить милицейско-криминальный беспредел?

– А кто тебе сказал, что все берут взятки? Не верю я в это. Ты учишься на милиционера, а потому должен давать отчет своим словам... Я лично вообще против обобщений. По мне слова «все» и «никто» являются синонимами. Ты мне скажи: в таком-то отделении милиции такие-то и такие-то сотрудники берут... Вот это будет разговор. А так, всех поголовно обвинять...

– Ладно, пусть не все, сейчас это неважно, но многие. С этим, надеюсь, вы спорить не станете. В милиции иначе невозможно – потому что денег мало платят. А нищего подкупить нетрудно.

– Погодь, Серега, не спеши! Плесни-ка лучше мне еще пивка... М-м-м, приятно... Так вот, мой юный друг, как говорится, давай-ка спустимся с абстрактных небес на нашу грешную землю. Ты хотел у меня что-то узнать по данному конкретному делу...

– Хорошо, давайте по данному делу. Ради какого-то еврея, у которого денег куры не клюют, который, как выяснилось, сам гусь хороший, вы готовы рисковать жизнью.

– Не перебивай старших. Я тебе уже сказал, мне все равно, еврей он, русский или табасаранец. Во-вторых, рисковать я собираюсь не ради него самого, а ради мальчишки, который вовсе не виновен в том, что у него отец нечист на руку и что его используют в качестве заложника во взрослых жестоких играх. В-третьих, сомнительной деятельностью его папаши пусть занимаются те, кому это положено. Им, к слову, мы наводку уже дали...

– Ребята, погодите, я тут шутку интересную вспомнил, – примирительно засмеялся, перебивая спорщиков, Олег. – Помнишь. Саня, друг твой к нам как-то приходил... Ну этот, поэт военный...

– Андрей Матях?

– Вот-вот, он самый. У него миниатюрки были такие любопытные... Вот одна из них.

У одного человека денег куры не клевали. Уж он к ним и так и этак – нет, не клевали, подлые...

Поспелов прыснул. Саня тоже улыбнулся, хотя слышал уже эту баечку, отхлебнул пива и откусил добрый кусок колбасы. Прожевав, вернулся к прерванному разговору:

– Знаешь, Серега, что касается меня лично, в данном случае я вижу свою миссию только в том, чтобы спасти сына этого Губермана. Даже не так, не конкретного сына конкретного Губермана. А спасти человека, некую личность вообще, чьего-то абстрактного сына неведомых мне родителей.

– Хорошо, согласен, пусть будет по-вашему. Вы действуете из самых высоких альтруистических соображений. Но согласитесь, что было бы вполне логично, если бы этот самый Губерман, или как его там, назначил хорошую премию за освобождение своего чада.

Причем не всей стране, не нашему министерству, даже не всему аппарату нашего Управления или отдела, а персонально участникам операции. Лично вам, лично Олегу Владимировичу...

– Тебе, – усмехнулся Максимчук.

– Не надо смеяться, Александр Григорьевич, – не принял шутки Поспелов. – Я не претендую. Пока, во всяком случае. Потому что в этой конкретной операции я вряд ли буду принимать активное участие. А вам премию выдать, по-моему, было бы справедливо.

– Сейчас все брошу и пойду премию себе выторговывать, – засмеялся Александр.

– Хотел бы я при этом посмотреть на себя со стороны.

– Я понимаю вашу иронию и то, что вы со мной не согласны. Потому что вы – выходцы из социализма. Вы привыкли жить по принципу уравниловки, при вере в заботу о вас и ваших семьях своего государства.

– Все мы родом из детства, – глубокомысленно изрек Олег. – Хоть это и не я придумал, но сказано неплохо.

– Да, конечно, из детства, – не стал спорить Пospelов. – Я тоже успел красный галстук поносить. Но ведь жизнь на месте не стоит. Она постоянно меняется, когда медленно, а когда скачками. И мы, молодое поколение, видим, что сейчас все происходит иначе, не так, как было раньше, в дни вашей молодости, не так, как хотелось бы вам, да и нам тоже, не так, как рассказывают на занятиях... Государству мы, «силовики», нужны только для одного: обеспечивать безопасность тех, кто уже заполучил местечко у кормушки.

На остальных людей, которые к ней, к кормушке, пристроиться не смогли или не успели, как само государство, так и те, кто место у кормушки сумел заполучить, не обращают никакого внимания. Да и к милиции отношение у деньги и власть имущих не Бог весть насколько благоприятное. В самой Москве еще мэр кое-как помогает нам. А в глубинке – говорить смешно. Думаю, вы не будете оспаривать очевидную истину, что сами по себе мизерные оклады сотрудников, их социальная незащищенность толкают людей на нарушения законов.

У вас лично, Александр Григорьевич, хотя бы потребительская корзинка на семью получается в месяц?

– С трудом-с.

– Вот видите! – подхватил курсант. – Поэтому я и говорю: пусть раскошелится папаша. Тогда ведь и вам самому веселее будет в это змеиное гнездо лезть. Окажись на его месте сын простого работника – даже заикаться о деньгах было бы некрасиво. Но богатей, у которого даже подлые куры денег клевать не хотят...

– Ну и как ты, молодой человек, это представляешь себе? Прихожу я сегодня вечером к господину Губерману и заявляю: «Яков Семенович, я получил задание спасти вашего сына, но не стану этого делать, пока вы мне не отслюните «зелененьких»...» Так, что ли?

Курсант разливал водку. Поморщился досадливо.

– Да не об этом я. Я про данное конкретное дело заговорил просто для примера. Я о принципе. Просто вы так искренне отдаетесь работе, за которую не имеете действенной отдачи. Между тем у нас сейчас всемерно пропагандируется принцип адекватной оплаты затраченного труда. Вас, при вашем опыте, вашем умении работать, при вашей добросовестности, наверное, любое охранно-детективное агентство с руками забрало бы. И получали бы вы там несравненно больше, чем здесь. Я уж не говорю о преступном мире, где вам просто цены не было бы. А вы готовы головой рисковать ради сына еврея, который не соизволил даже премию назначить за отпрыска своего.

– «Премия, премия»... – передразнил стажера Максимчук. – Ну а сам-то почему идешь в нашу контору?

– Причин несколько. Одна из них – я надеюсь на то, что со временем отношение к милиции изменится. И нам будут платить по труду, по совести и справедливости. Адекватно, так сказать, затраченным усилиям и приносимой государству пользе. Я, заметьте, иду не в те органы, которые стариков во время Первомайских праздников дубинками разгоняют.

Специально просился к вам, к тем, кто борется с организованной преступностью... В фильмах ваша работа знаете как красиво и эффектно смотрится! Вот и посмотрелся... – Пospelов засмеялся и поднял стакан с глотком водки на доньшке. – Знаете, не хотелось идти в преступники, пока лично вы здесь, в Управлении, работаете. Вы ведь такого, как я, в два счета повязали бы...

– Вот подхалим! – рассмеялся Максимчук.

И поднял руки:

– Ладно, студент, сдаюсь. Загнал ты меня в угол. Не умею я тебе ответить. Вроде бы и логично говоришь. А как-то мне не по себе от такой логики. Одно знаю, в одном уверен: пока в правоохранительных органах работают такие люди, как я, как Олег, как Слава Головкин, Толик Пономарев, Сашка Захаров, Женька Гузарь, те же Сунцов Михал Василич или наш Струшников, пока есть люди, для которых на первом месте стоят интересы дела, интересы народа, преступность у нас в стране, в Москве не сможет развернуться в полной мере. Ну а когда на первые места выйдут такие, как ты, кто в первую очередь думает о том, сколько ему заплатят за поимку преступника, – вот тогда и пробьет последний час России.

Поспелов открыл было рот, но захлопнул его. И, не скрывая, усмехнулся. Максимчук, смутившись от своих патетических слов, потянулся к стакану с пивом. А Олег Самопалов удивленно посмотрел на друга. Александр на подобные речи обычно был не горазд.

Поспелов и Самопалов переглянулись. И поняли друг друга. День у Александра сегодня выдался хлопотный, нервный. Вот, наверное, и захмелел Максимчук.

Москва.

Угол улицы Донской и проезда Апакова.

21.30

Александр, чувствуя, что захмелел, решил пройтись до «Октябрьской» пешком.

Бодро шагая по темной Шаболовке, он мысленно продолжал спор с Поспеловым. Как всегда в таких случаях, находились неотразимые аргументы, изящные формулировки, правильные слова...

И вместе с тем Максимчук понимал: какого-то самого главного аргумента не находится. Он чувствовал, что даже себе не может объяснить, почему же так самозабвенно отдается своей работе. По привычке? По причине возвращенной с детства нетерпимости к несправедливости? Потому что ничего другого делать не умеет?..

Ведь и впрямь денег платят мало. Всю жизнь с дерьмом возиться приходится.

Постоянно допоздна на работе. Жена ворчит, причем справедливо ворчит. Так почему же он не уходит?..

Александр, запутавшись в собственных мыслях, повернул налево. До метро оставалось совсем немного.

...Сначала он уловил некий внутренний сигнал: что-то неподалеку происходило. Что именно, Александр поначалу не сообразил.

Лишь потом услышал звуки. Какие-то знакомые и вместе с тем непонятные.

Слева между ларьками виднелись темные фигуры. Трое... или четверо... Что-то там происходило.

Нормальные люди в подобных случаях проходят мимо. Вот и сегодня сколько уже предпочло отодвинуться от греха подальше, торопливо прошмыгнуть, отвернувшись.

Максимчук так не мог. Во-первых, потому, что воспитан был иначе. А во-вторых, потому, что силу свою чувствовал.

Он шагнул к непроницаемой мгле провала.

– Ребятки, у вас тут все в порядке? – в рифму осведомился вежливо.

Возня прекратилась. Слышалось лишь что-то напоминающее не то тяжелое дыхание, не то приглушенные стоны. В темноте бледными пятнами проявились обращенные к нему лица.

– Проваливай, дядя, пока мы тебе бобо не сделали, – посоветовал из мрака хриплый голос.

– Ну зачем ты так? – укоризненно спросил Александр. – Может, помощь нужна?

– Нужна твоя помощь, – грубо ответил тот же человек. – Проваливай, в этом и будет помощь...

Что ж там происходит?

– Хорошо, я уйду, – согласился Максимчук. – И позову постового.

Он повернулся, сделал несколько шагов по направлению к площади. И тут же обернулся.

На него сзади надвигалась огромная мужская фигура. Сейчас, когда человек вышел из тени и Максимчук увидел его в свете фонарей, оперативнику стало не по себе. Таких жутких лиц ему видеть еще не доводилось. Узкий лоб, темные глаза идиота, перебитый нос, с кончика которого свисала капля, струйка слюны у уголка губ... Толстая шея, широченные плечи, длинные, едва не до колен, руки с кулаками-кувалдами, коротенькое туловище...

Не человек – а прямо монстр-убийца из фильма ужасов.

– Вы ко мне?

Александр спросил, а сам посетовал, что свою «пушку» оставил в сейфе. Когда употреблял спиртное, оружие с собой никогда не брал.

Монстр коротко что-то прохрипел и грозно протянул к нему свои огромные лапищи.

Максимчук прекрасно знал, насколько такие люди страшны, когда их испугаешься и спашешь. Однако есть у них существенная слабость. Обладая жуткой силой, они, как правило, тупы, неповоротливы и теряются при встрече с опытным противником. Если учитывать и умело использовать данную их особенность, схватка с ними обычно превращается в задачку для начинающих. Александр, с его опытом, не воспользоваться тупостью противника просто не мог.

Он легко ушел от кошмарных рук влево, шагнул, с поворотом, вперед и, оказавшись с неудобной для большинства людей правой стороны, врезал ему сбоку в челюсть, вложив в удар все, на что был способен. И тут же добавил ногой в солнечное сплетение.

Не зря же ему столько доводилось тренироваться.

Монстр на ногах устоял, но закачался и, похоже, на какое-то мгновение потерял ориентировку. Александр был уже у него за спиной. Стукнув ступней под зад, поверг-таки его на колени. Максимчук отшагнул назад и в прыжке подошвой ударил между лопаток. Так и не сказав ни слова, «ужастик» растянулся на мокром асфальте. Оперативник окончательно обезвредил его, пнув ногой под печень.

Пора было разбираться с остальными. Александр быстро подошел к темному закутку, где притихли черные тени.

– А ну выходи! – скомандовал он. – И без дури – ноги переломаю!

– Дядя, я же сказал тебе, чтобы ты тикал отсюда!

Из закутка показались двое. Кто-то там еще остался. У одного из вышедших в руке серебрился клинок ножа. Он и произнес хриплым голосом:

– До чего мне надоели эти заступнички... Пойми, дядя, это наша девочка. И она не против таких развлечений. Ей это в кайф – в центре города, когда мимо люди идут... Но вот находятся кретины...

Максимчук понял, что за звуки его насторожили. Это было похотливое сопение мужчин. И, быть может, стоны жертвы.

– Пусть она сама мне скажет, что не против, – может, я тоже к вашей компашке присоединюсь.

– Ты мне надоед, дядя. Я же тебе сказал, что это наша девочка.

Они заходили умело – с разных сторон. Причем тот, с ножом, слева...

Решение пришло мгновенно. Александр рванул в тот самый темный закуток, из которого появились его противники. С ходу врезал по белеющей физиономии стоявшего там типа, ухватил его за волосы, пристукнул о стену затылком и вышвырнул из провала.

На асфальте, уперевшись головой в провонявший мочой угол, стояла на коленях женщина. Юбка ее была высоко закинута на спину, в темноте ярко белели ее ноги до самой... до самого основания. Она чуть слышно постанывала.

Александр обернулся. На освещенном тротуаре топтались, торопливо переговариваясь, трое: хриплый с ножом, монстр и еще один. Четвертый стоял на карачках, пытаясь подняться, но ему это не удавалось.

– Ну, гляди, дядя! – бросил хриплый. – Мы уходим, но ты нас еще вспомнишь.

– Хорошо, – согласился Максимчук.

И добавил:

– Сволочи, все удовольствие от вечера испортили. Пошли вон!

Монстр подхватил лежавшего... и они потащились в сторону Мытной.

Максимчук наклонился к женщине. Первым делом прикрыл ее наготу юбкой.

Повернул к себе, приподняв голову. Рот ее оказался перетянут шарфом.

Тугой узел не поддавался. Александр не стал мучиться с ним, стянул шарф с ее головы и отбросил в сторону.

– Вы можете подняться?

Ничего не говоря, держась за стену, она поднялась. Александр ей помогал, поддерживая под руку.

– Спасибо...

Александр отмахнулся:

– Ерунда. Как вы себя чувствуете?

Она болезненно скривилась:

– Вам этого не понять.

Наверное, это так, мелькнула у Максимчука мысль. Мужчине это и впрямь трудно понять.

– Но идти вы можете?

– Конечно... Вот только... У меня же там, внизу, ничего нет...

– Тут я вам ничем помочь не могу... Ничего, до метро доберемся, а там тепло, не простудитесь.

Они вышли под фонарь. Александр помог ей немного отряхнуться, как-то привести себя в порядок. Своим носовым платком стер ей остатки размазанной по лицу косметики.

– Вы их знаете?

– Нет. Они меня здесь схватили.

Максимчук отошел на шаг назад, окинул взглядом ее фигуру. Кажется, в глаза ничего не бросается. Женщина поежилась под его взглядом. Александр усмехнулся, заметив это, но ничего не сказал.

– Все в порядке. Идемте, я вас до метро проведу. Вам далеко ехать?

– Далеко. И муж дома уже, – проговорила тоскливо.

Максимчуку представилось, как бы он отреагировал, если бы его жена (не дай Бог!) пришла домой без трусов... Получалось, что ничего приятного.

– Все равно мужу придется сказать, что произошло, – рассудительно заметил он. – Вам ведь обязательно завтра же провериться надо у венеролога.

Она всхлипнула. Кажется, ее нервы готовы вот-вот дать волю слезам. Только что она мечтала о том, чтобы все поскорее кончилось. Теперь она начинала понимать, что многое для нее только начинается. Объяснение с мужем. Заявление в милицию, допросы и объяснения. И мучительное ожидание результатов анализов...

– Ну, ничего, не надо плакать, – подбодрил Максимчук. – А то в метро не пустят.

Женщина истерично хохотнула. Со стороны Садового кольца показалась машина ПМГ. Обрадованный Максимчук шагнул к мостовой, махнул рукой. «Жигуленок» притормозил.

– Что случилось? – полнолицый сержант лениво чуть приспустил стекло.

Максимчук протянул ему свое удостоверение. Тот подобрался, вылез из машины:

– Слушаю вас.

– Эту женщину только что изнасиловали. Надо бы ее домой доставить – не тащиться же в таком виде в метро...

Подобная перспектива сержанта не особенно прельщала, это явно проявилось на его лице. Но спорить не посмел.

Александр взглянул, запоминая, по старой привычке на всякий случай, на номер машины и вернулся к женщине.

– Садитесь в машину, вас отвезут домой.

Она послушно забралась на заднее сиденье.

– Изнасилование оформлять?

Возиться с таким делом сержанту тоже не хотелось.

– А я здесь при чем? – спросил Максимчук. – Если пострадавшая заявит – тогда конечно.

Машина сорвалась с места и исчезла за поворотом. И лишь тогда Александр сообразил, что ничего не узнал о спасенной. Впрочем, наверное, это и к лучшему. Сейчас ее отвезут домой, а там все будет зависеть только от мужа.

Ну и, понятно, от того, не заполучила ли она какую заразу.

Максимчук поспешил к метро. Радужное впечатление от вечера уже растворилось. И теперь вопрос Пospelова его уже не мучил. Чтобы в такие вот моменты оказываться рядом с людьми, которые нуждаются в твоей помощи, и служит он в милиции.

Плохо только, что задержать никого из насильников он не смог. Но их все же четверо было, да еще с ножом. Если бы Максимчук попытался хоть одного взять, остальные так легко не ретировались бы.

Нужно будет завтра же подкинуть информацию о происшедшем дежурному по ГУВД. Даже если женщина не заявит об изнасиловании, а чаще всего бывает именно так, – на этих ребяташек нужно будет обратить внимание.

Москва.

Квартира Максимчука.

23.30

– Явился?

Максимчук молча стянул туфли, аккуратно поставил их в угол.

– Ты еще попозже не мог осчастливить семью своим появлением?

– Извини. Так получилось.

– У тебя всегда так получается, – ворчала Людмила. – Нормальные мужчины или вовремя домой приходят, или деньги нормальные зарабатывают... Вот и ты выбрал бы что-то одно.

– Ну ладно тебе, не сердись.

– Не сердись... Ужинать будешь?

– Желательно бы...

– Максимчук, да ты никак к тому же еще и выпил? – принохалась жена.

– Причина была.

– У тебя вечно причина найдется. Никогда от рюмки не откажешься.

– Так весь отдел был, – приврал Максимчук. – Не мог же я уйти.

– Конечно, не мог, если наливают, куда уж тебе! Смотри, отправлю спать сюда вот, у двери, на коврик...

– Щетку дашь?

– Какую щетку?

– Ну, чтобы было куда руку положить...

Жена не выдержала, рассмеялась:

– Так и быть, ложись в постель. А то с твоими «такполучаниями» щеток не напасешься.

Ладно, пошли питаться. А то уже остыло все, тебя дожидаясь...

В ванной Максимчук с удовольствием сунул под холодную струю воды ноющую правую кисть. Ну и челюсть же у этого громилы... Хорошо хоть не повредил себе суставы.

Умывшись, Александр прошел в кухню. Там аппетитно пахло жареной картошкой.

Жена деревянной лопаточкой помешивала ее на сковородке.

– Я завтра еду в командировку, – как можно небрежнее сообщил Александр, протискиваясь к окну, на свое всегдашнее место.

Усевшись, опустил правую руку под стол, чтобы жена не заметила припухлость на суставах. Все же удар получился не очень удачным. Для кулака, во всяком случае...

– Надолго?

– Не знаю точно. Примерно на недельку.

– Командировочные получил? – повернула голову Людмила. – Или опять за свой счет?

– А ты не желаешь предварительно узнать, далеко ли муж отправляется? – Александр ощутил, что в душе шевельнулось раздражение.

Жена это тоже почувствовала.

– Чего ты ерепенишься? Конечно же, интересуется. Просто в доме денег ни копейки.

Ты умотаешься – и трава не расти. А я здесь должна думать о том, чем детей кормить... Так куда ты едешь?

Александр стало неловко. В самом деле, денег домой приносит с гульки хрен и еще от жены требует.

– Да так, недалеко. Семинар по обмену опытом работы, – соврал он. – Мы там будем на полном пансионе, так что семейный бюджет не трону.

– Семинары эти ваши... – проворчала жена. – Тоже мне, нашли чем обмениваться, опыт называется, когда всюду каждый день стреляют, грабят и убивают... Но ты хоть позвонить сможешь оттуда?

– Как получится... Постараюсь.

Перед сном Александр зашел в детскую, поцеловать своих, как он говорил, отпрысков. Аленка сонно распахнула огромные мамины глазищи.

– Папка, я тебя так ждала.

– Прости, дочурка. Дел сегодня было много. А у тебя как день прошел?

– Хорошо, папка. А ты мне сегодня опять так и не рассказал...

– А что я тебе должен был рассказать?

– Ну, про этого... Как его? Не помню.

– Расскажу, расскажу обязательно. – А в самом деле, про кого же это вчера дочка спрашивала? И сам забыл... – Завтра же и расскажу.

– Я тебя люблю, папка, – вновь засыпая, сообщила Аленка и подсунула ладошку под щеку.

Максимчук поцеловал ее и осторожно, стараясь не шуметь, пошел к двери. Он уже выходил из детской, когда вспомнил, что завтра, скорее всего, уезжает. А потому снова не сдержит слово.

Что за день, подумал с досадой, – и Сушеного, и жену, а теперь вот и дочку обманул.

Не любил Максимчук никого обманывать. Во всяком случае, без острой на то необходимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.